

МАРИЯ ВИНОВАТА

ТЕМНЫЕ
ВРЕМЕНА

16+

Мария Виноградова

Тёмные времена

«Автор»

2014

Виноградова М. В.

Тёмные времена / М. В. Виноградова — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-10943-8

Он — одиночка. Тот, кто упрямо бредет во тьме в поиске своего пути. Кто сражается с порождениями ночи клинком и магией. Проклятый и изгнанный своим народом, вынужденный скрывать свою истинную сущность и ощущать себя живым только в изматывающих боях, когда свист стали, жадной до крови, заставляет трепетать от предвкушения опасности. Ловец душ. Темный охотник. В оформлении обложки использована иллюстрация "Хеспер Туатта Де Даннан". Автор Grey Evil Owl.

ISBN 978-5-532-10943-8

© Виноградова М. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1

Он появился возле деревни поздним вечером: выехал из леса со стороны крупнейшего Восточного тракта. Остановился, внимательно разглядывая колеблющиеся огни раскинувшейся внизу деревеньки, вдохнул пропитанный отчаяньем воздух и толкнул пятками крупного палевого жеребца, направляя его вниз.

На постоялом дворе было удивительно малоллюдно, несмотря на то, что деревня располагалась в непосредственной близости от торговых путей. Сейчас же в пустом зале трактира находилось не больше десятка человек, да и те местные, с угрюмыми, усталыми и безжизненными лицами.

Все глаза присутствующих впились в незнакомца, вошедшего в помещение. Молодой, почитай, и трех десятков не исполнилось; роста он был среднего, не особо широкоплечий, но поджарый и гибкий. Смуглое лицо, обрамленное черными, с проседью, длинными волосами, перехваченными на лбу плетеным ремешком; цепкий взгляд серых зорких глаз; суровая линия тонких губ.

Одет он был в удобные штаны и темную рубашку; необычный пояс тускло блеснул в свете масляных светильников; дорожный плащ, пропитанный пылью, и угрожающе серебрящаяся над правым плечом крестовина меча.

Взгляды были прикованы к бляшке пояса, насмешливо блеснувшей, когда ее обладатель неспешным шагом подошел к стойке, за которой стоял хозяин постоялого двора, такой же мрачный и неразговорчивый, как и все остальные жители.

Знак, выгравированный на этой детали одежды, был известен всем.

Гильдия Охотников.

Путешественник краем глаза заметил, как сорвался с места мальчишка, помогавший обслуживать немногочисленных посетителей. Серьезно, молча, будто выполнял значимое поручение. Он, не поднимая глаз, проскочил мимо незнакомца и скрылся в кухонном помещении. Несколькими секундами спустя глухо бухнула дверь заднего входа.

– Чего изволите, господин охотник? – спросил хозяин, неприязненно глядя на мужчину.

– Тушеные овощи и свинину, – произнес клиент и отошел к дальнему столу.

Сел, аккуратно сложив плащ, и щелкнул пряжкой перевязи, снимая клинок и ставя его рядом с собой.

В трактир, распахнув дверь, влетел пожилой мужчина, видимо, староста деревни. За ним, отставая на шаг – молодой парень, совсем еще безусый юнец, что-то горячо шептавший:

– ...не говори, батька! А то ведь тоже уедет!

Староста, не глядя, отмахнувшись от сына, сощурил подслеповатые глаза и решительным шагом направился к спокойно сидевшему охотнику. Подошел, немного помялся, дождавшись, когда мужчина поднимет на него светлые глаза, и произнес, стараясь скрыть дрожь в голосе:

– Разрешите, господин охотник? Дельце у меня к вам есть.

Незнакомец молча кивнул, и пожилой мужчина, шикнув на сына, отодвинул стул и сел напротив.

– Тварь у нас завелась, – кашлянув, начал он. – Полдеревни извела, спасу нет! Никого не жалеет: и девок жрет, и парней, даже стариками не гнушается!

– И давно? – невозмутимый низкий голос мужчины придавал уверенности и спокойствия.

– Две луны уже¹, – староста опустил голову.

¹ Два месяца. Прим. автора

– Что же вы, – охотник наклонился вперед и положил руки на стол. На указательном пальце блеснул массивный перстень с темным камнем. – Столько времени жили с Тварью под боком и не отправили запрос в Гильдию?

Староста замялся, словно не знал, что ответить.

– Отец, – предупреждающе прошептал сын.

Пожилой мужчина вдохнул и, словно бросаясь в омут, сказал:

– Отправлял я. Приехали пятеро.

– Тогда в чем проблема? – незнакомец откинулся на спинку стула.

– Не вернулись они, – староста опустил глаза. – Поутру нашли клочки одежды окровавленные, да обглоданных лошадей неподалеку. Еще два отряда проезжали мимо, да только как узнали, что с паскудой та пятерка не справилась, сразу в отказную, даже слушать ничего не хотели. Вот так и сожрут тут всех! – горько воскликнул он. – Эта тварь ведь даже не выпускает никого! Микош вчера с места сорвался, всю семью увез, а сегодня кобыла с телегой обратно прибежала, в кровище вся!

Сын старосты застонал, осуждая честность родителя, и спрятал голову в ладонях. В трактире повисла напряженная тишина. Взгляды были устремлены на неподвижно сидевшего охотника: одни смотрели со злобой, другие – с безумной надеждой.

– Триста золотых, – прозвучало в тишине, и у присутствующих вырвался недоверчивый единый вздох.

Староста неверяще посмотрел на невозмутимого мужчину и радостно закивал головой:

– Да-да, конечно, господин охотник! Когда ваш отряд ждать?

– Я работаю один, – резко донеслось в ответ.

Староста поперхнулся словами и промямлил:

– О-Один?

– Мне уехать? – охотник недовольно посмотрел на мужчину и, дождавшись судорожного мотания головой, занялся принесенным ужином.

Когда охотник отложил ложку, староста, тактично удалившийся, чтобы не смущать гостя, снова подсел к нему, повинувшись легкому кивку.

– Тела находили? – осведомился охотник, бросая монету хозяину трактира.

– За счет заведения! – протараторил хозяин, разом поменявший свое отношение к мужчине после его согласия попытаться избавить их от напасти.

Охотник недовольно двинул плечами, и хозяин, поминутно кланяясь и зажимая плату в руке, ретировался к стойке.

– Нет, – староста поежился.

– Кто были первые жертвы?

– Кузнец наш, Ледко, потом – дочка мельника Вёсна, а за ней и сам мельник.

– То есть начало оно с окраин?

– Выходит, так, – развел руками пожилой мужчина.

– Какой промежуток между нападениями? – охотник встал, застегнул перевязь с мечом и накинул плащ.

– День, иногда два. Последнее было той ночью, – предвосхитил вопрос охотника староста.

– Значит, сегодня можете спать спокойно.

Мужчина уверенными шагами направился к двери и вышел. Гнетущее чувство отчаяния, разлитое в воздухе, медленно и неуверенно начало исчезать.

Весь следующий день охотник безжалостно гонял старосту от дома одной жертвы к дому другой, пристально разглядывая двери, окна и внешние стены. Пару раз наклонялся, что-то высматривая на земле, потом заставил трясущегося от страха пожилого мужчину показать место, где нашли останки отряда охотников.

В середине дня запыхавшийся староста взмолился о милосердии и предложил ему отобедать, на что получил молчаливый отказ. И требование показать кладбище.

Там охотник медленно прошелся вдоль ряда могил, внимательно присматриваясь и, казалось, даже приносясь. Потом недовольно скривился и пошел прочь – к домам первых жертв, стоящим на окраине и уже сейчас считающихся проклятыми. Староста затрясся и отстал от охотника, остановившись тогда, когда дом кузнеца стал виден за невысокими деревьями. Мужчина, казалось, этого не заметил.

Не было его около четверти часа, после чего он вернулся, задумчиво насвистывая знакомый мотив.

– Вот что, – произнес он. – Мне кое-что от вас надо.

– Что угодно, – староста действительно был готов сделать все для этого странного парня, лишь бы тот расправился с Тварью, терроризирующей всю округу.

– После захода солнца никто не должен выходить на улицу. Ни по нужде, ни по спешному делу, ни даже если мир за стеной начнет рушиться, – голос его звучал скупающе. – Если кому придет в голову высунуться до следующего утра – пусть пеняет на себя.

Староста часто закивал головой и побежал оповещать селян.

Деревня словно вымерла. Даже брехливые дворовые собаки позабывались под всходы и в будки и со встопорщенной на загривках жесткой шерстью испуганно вглядывались в тяжелый мрак.

Было уже далеко за полночь. То самое время, когда крепче всего сон – и опаснее всего Тьма.

Темнота, спиральными кольцами окружившая дома, сильно отличалась от обычной прозрачной ночи. Непроглядная, мрачная и давящая. И холод; жуткий, потусторонний холод, совершенно несвойственный теплым летним вечерам, волнами накатывал, казалось, со всех сторон.

Тени начали оживать.

Молодой мужчина шел по широкой улице, укатанной сотнями колес торговых караванов, останавливающихся в деревеньке на ночлег, неспешным, размеренным шагом. Вместо дорожного плаща на нем была плотная темная куртка с вышитыми по краям серебряной нитью символами. Меч спокойно дремал в ножнах, ожидая своего часа.

Он легко повел пальцами, под которыми послушно вспыхнула и погасла руна; его глаза мягко засветились, и ему стало видно каждый дюйм. Отчетливо, как днем.

На границе зрения мелькнула быстрая тень.

Тварь легким шорохом ветвей скользила в сгустившейся тьме. Туда, куда звало ее обоняние. Туда, где была живая, напуганная, а оттого восхитительно вкусная добыча. Запах горячих сердец, бьющихся за толстыми и крепкими стенами, гоняющих по венам кровь, сводил с ума и заставлял ее двигаться вперед.

Странная фигура, обладатель которой совершенно не источал такого приятного запаха ужаса, заставила ее пластаться в тенях, пробуя на вкус воздух. Все до него: жители деревни, путешественники и даже те пятеро, что заявили к ней с кусачим серебром – пахли возбуждающе вкусно: страхом и отчаянием. А этот – опасностью, угрозой и смертью.

Тварь тихонько зашипела и недоуменно приостановилась, впервые почувствовав себя в роли жертвы. Проклятый человечиска шел туда, куда его нельзя было пускать.

К Гнезду.

Он видел ее. Вытянутую, как у лисицы, морду; худое, гибкое, перекатывающееся стальными канатами мышц чешуйчатое тело, сейчас похожее на сжатую пружину; длинные сильные лапы с загнутыми когтями; узкие, прикрытые роговыми пластинами хищные глаза; клыки,

блестящие от покрывающего их яда. Тварь – смертельно опасная, хитрая, умная и коварная. Из тех, с кем охотники предпочитают не связываться.

Те два отряда уехали не потому, что узнали про погибшую связку, как считал староста. Они предпочли выжить и вызвать подмогу, так что вскоре сюда должны были прибыть два-три усиленных отряда, поэтому мужчине можно было и не заниматься ею. Но у этой Твари было то, что ему нужно. К тому же, в старом доме кузнеца, под полом, она устроила лежку и Гнездо. И прибывшие охотничьи отряды столкнулись бы не с ней одной, а со всем потомством, которое должно будет появиться: опасным с самого рождения.

С нынешней ночи.

Почувствовав легкое колебание воздуха сзади, охотник мгновенно развернулся. Меч с хищным свистом описал широкую дугу, блеснул серебряными рунами и распорол воздух. Тварь молниеносно ушла в сторону, хлестнув по лицу гибким хвостом с ядовитым жалом на конце.

Быстрая, очень быстрая.

Мужчина легко пригнулся, наотмашь ударил клинком, прочертив длинную царапину по жесткому боку. Существо зашипело и, едва коснувшись земли, взвилось в воздух в бешеном прыжке, ударив когтистыми лапами в грудь противника и опрокидывая его навзничь. Но охотник, извернувшись, словно кошка, носком сапога, окованного сталью, с силой ударил по разъявленной пасти, заставляя Тварь отпрянуть в сторону, одновременно чертя руну в воздухе.

Яркая вспышка и оглушающий нежные уши взвизг заставил ее присесть на задние лапы и на мгновение замереть. Этого секундного замешательства для охотника хватило, чтоб стремительно метнуться вперед; свистнул серебряный клинок, рассекая неподатливую плоть; Тварь взревела от ослепляющей боли, повалилась набок и забилась в конвульсиях. На оскаленных в предсмертной гримасе клыках пенился яд; темная кровь толчками выплескивалась из дымящейся раны, обнажая сизый клубок кишок.

Мужчина подождал, пока уже мертвое существо перестанет содрогаться, шагнул вперед, двумя перекрестными ударами вспорол внутренности, наклонился и поднял два небольших, размером с крупное куриное яйцо, светящихся изнутри камня. Довольно хмыкнул и так же неспешно, как и до этого, пошел к дому кузнеца.

Жители решились выйти из домов только около полудня, втянули носами запах гари и начали оглядываться. Опасливо озираясь и пересчитав присутствующих, староста облегченно вздохнул – сегодня, как и говорил тот парень, никто не пропал.

Он побежал к постоялому двору. Отворил ему хозяин с темными кругами под глазами – он всю ночь просидел с семьей в подполе, вздрагивая от каждого звука – и сказал, что охотника не видел со вчерашнего вечера.

Староста обреченно застонал. На что он надеялся? Что проклятый мальчишка, пусть и с глазами много чего повидавшего человека, да еще и одиночка, сможет справиться с той напастью, с которой не сладила четверка охотников? Приближающийся людской гомон и возбужденный лай собак вырвали его из невеселых раздумий.

Подошедший охотник швырнул под ноги старосте большой холщовый мешок с темным расплывшимся пятном на боку. Распущенные завязки подались в стороны, и в сапог пожилого мужчины уткнулась жуткая, оскаленная в последней гримасе морда. Он, судорожно вздохнув, отступил в сторону.

– Дом кузнеца пришлось сжечь, – равнодушно сказал невредимый охотник. – Она там Гнездо свила.

Толпа глазевших на голову Твари и избавителя в ужасе затаила дыхание, отшатываясь назад, и вновь загомонила.

Староста прикрыл глаза, понимая, от чего избавил их этот мужчина, и трясущимися руками передал ему тяжелый, глухо звякнувший мешочек. Охотник даже не стал пересчитывать монеты, только кивнул и протянул старосте сжатый кулак:

– Отдадите командиру отряда, что скоро прибудет, – на ладонь выкатилось пять перстней с камнями, на которых поблескивал знак Гильдии.

Староста открыл было рот, пораженно глядя на знаки, принадлежавшие погибшей четверке, но охотник, резко отвернувшись, уже входил в трактир, а к голове Твари, валявшейся в пыли на дороге, стала подбираться вездесущая ребятня.

– Господин охотник, – поймал староста мужчину, когда он выезжал из ворот. – Как вас звать-то?

Тот придержал коня, помолчал, размышляя, и бросил:

– Хеспер², – и пришпорил палевого жеребца, мерно затрусившего по дороге.

Людской поток, вливающийся в ворота города, двигался необычно медленно. То тут, то там вспыхивали потасовки, когда хитрые желающие побыстрее проскочить сталкивались с теми, кто ждал своей очереди с самого утра. Сейчас же солнце клонилось к горизонту, освещая усталые лица, груженные телеги, раздраженных охранников торговых караванов и нервничающих купцов.

Хес молча объехал плотную толпу, доехал почти до ворот и бесцеремонно вклинился, оттесняя людей конем. Возмущенные и злобные выкрики заглухали сразу же, как только недовольные видели знак Гильдии, и народ подавался в разные стороны, пропуская палевого жеребца и невозмутимого всадника.

Причину столь медленного продвижения он увидел сразу, добравшись до тяжелых, окованных железом створок. Рядом с проверяющими на въезде стражниками молчаливо стояла невысокая фигура, облаченная в рясу с двумя скрещенными золочеными факелами, вышитыми на спине.

Инквизиция. Что они здесь забыли?

Святой Орден, появившийся пять столетий назад и ознаменовавший начало новой Эры, воспевающий появление в этом мире Святого Аенеаса как Наместника Семерых светлых Богов, стал постоянной головной болью – святые братья обладали Силой, которую применяли безо всяких сомнений и колебаний. Как против фейри, и Благих, и Неблагих, даже против духов природы, что приводило к серьезным катаклизмам, так и против людей, практикующих колдовство: деревенских знахарей, алхимиков и лекарей. Именно эта их особенность – неразборчивость в том, кого назвать врагами, – и привела к первой масштабной войне между людьми и волшебным народом, прозванной Войной Очистительного Пламени. Сложно было сказать, кто выиграл тогда – люди твердо уверены, что именно они, но Хес знал – фейри, называющие эти боевые действия не иначе как Бунтом, в один день просто отступили. Исчезли, оставив после себя уничтоженные деревни и города, пепел, горьким плащом укрывающий сожженные судьбы. Впрочем, Орден посчитал, что цена была заплачена справедливая – граница Тир-Нан-Ог, Блаженной Земли, обиталища фейри, сдвинулась далеко к востоку. Если раньше волшебный народ почти полностью занимал материк, то именно тогда Князя Благих и Неблагих Дворов приняли решение уступить людям.

Воодушевленное войско, ведомое святыми братьями и магистром Аенеасом, потрепанное, изможденное, но полное решимости окончательно изгнать врагов с земли, что никогда им не принадлежала, рискнули сунуться за Границу. И были безжалостно выбиты оттуда, понесли потери, после которых так и не смогли оправиться. Как ни призывал Аенеас людей к продолжению кровопролитной войны, не смог убедить их в том, что у них есть шанс сдвинуть раз и

² Хесперус – вечерняя звезда.

навсегда установившуюся Границу. По иронии Темного, взиравшего на проливающуюся кровь с особой благосклонностью, Аббатство, оплот святого Аенеаса, остался там, за Границей, на территории Неблагих фейри. Говорят, именно тогда магистра покинуло благословение Семерых, ибо он, захватив отряд из сильнейших братьев и Инквизиторов, числом не более двух сотен, исчез на враждебной земле. Погиб он или дошел до своей цели – так и осталось неизвестным. Но с тех пор влияние Святого Ордена простиралось по всему молодому королевству Айохэйнс, и не вызвала сомнений верность служителей Семерым. И теперь святые братья, получив поддержку от озлобленных, измученных страшной войной людей, огнем искореняли семя Темного, проявлявшееся в тех, кто обладал силой – колдунах. Против Тварей их Сила была по большей части совершенно бесполезна, уступая место прочной стали, поэтому отношения между Орденом и Гильдией Охотников были весьма напряженными – как-никак, конкуренты.

Светские власти в лице короля давали свободу действий и тем, и другим, но только до тех самых пор, пока Святой Орден и охотники занимались исключительно своими делами – то есть защищали простой люд от неизбежных опасностей. Стоило только кому-то переступить невидимую черту, как действия, направленные на попытки упрочить свое положение любой из фракций, жесткого пресекались – властям не нужны были тлеющие угли, которые могли бы быть раздуты в пожар бунта и недовольства, в королевстве. Что, впрочем, не мешало Святому Ордену бдительно приглядывать за Гильдией Охотников, въедливо выискивать поводы, а после и доказательства для обвинения в колдовстве или пособничестве тем же фейри. Здесь король оказывался бессилен – Орден действовал в рамках дозволенного, и бывали случаи, когда молчаливые дюжие братья появлялись в представительствах Гильдии, а после – исчезали некоторые из охотников: напрямую сталкиваться с их разъяренными товарищами и вступать в открытое противостояние с матерыми воинами, а порой и профессиональными убийцами, клирики побаивались.

– Господин Хеспер! – учтиво поздоровался с ним высокий стражник. – Давненько вас не было видно.

Мужчина кивнул в знак приветствия и промолчал, пристально рассматривая Инквизитора.

– Господин охотник, – произнес служитель, цепко оглядывая Хеса. – Спешитесь, пожалуйста.

Молодой мужчина недовольно нахмурился, но, заметив виноватый взгляд стражников, легко соскользнул с лошади.

Инквизитор провел вдоль его тела сигнальным амулетом: тот светился безмятежно ровным зеленым светом. Священник слегка поклонился и посторонился, пропуская охотника в город. Мужчина, взяв коня под уздцы и бросив последний внимательный взгляд на Инквизитора, прошел в ворота.

– Господин! – искренне обрадовалась пожилая экономка, встречая хозяина двухэтажного каменного дома, массивного и довольно мрачного. – Проходите скорее, я вам сейчас ванную подготовлю.

– Здравствуй, Вьела, – поздоровался Хес. Голос его, прежде резкий и сухой, потеплел. – Будь так добра.

Через три часа мужчина, смыв с себя дорожную пыль, переодевшись и наскоро перекусив, подхватил тяжелую папку, скрепленную витыми застёжками, повесил на пояс узорный кошелек и, надев перевязь с простым мечом, вышел из дома, сказав напоследок:

– Вьела, я к Альву. Буду поздно, так что можешь меня не ждать, – дождавшись понимающего кивка от пожилой женщины, быстрыми шагами скрылся за углом.

Шел уверенно, прекрасно ориентируясь в переплетении плохо освещенных улочек, свивающихся в настоящий лабиринт. Личности, поджидающие беспечных или нетрезвых прохо-

жих в темных переулках, замирали и затаивались в тених, стоило им завидеть тускло блестящую пряжку с гравировкой.

Полчаса спустя Хес, оказавшись в Ремесленном Квартале, остановился перед аккуратным домом, перед входом в который красовалась резная вывеска: молот и наковальня. Не колеблясь, прошел на задний двор, открыл калитку и, потрепав по голове радостно завилявшего хвостом сторожевого пса, направился к невысокому строению, откуда доносились глухие удары. Он знал, что друг часто работает допоздна.

– Всеблагие Боги! Хес! – Кузнец, кряжистый мужчина лет сорока, широкоплечий, с густой бородой и железными комьями мышц, перекачивающихся по могучим, блестящим от пота рукам, шагнул навстречу парню и стиснул его в стальных объятиях.

– И тебе не хворать, Альв, – улыбнулся Хес, хлопнув друга по спине и осторожно высвобождаясь из медвежьей хватки.

– Давно тебя не видел, начал уж было думать, что сгинул где-нибудь, – серьезно заметил кузнец. – Что привело тебя сюда?

Охотник хмыкнул, заметив азартные искорки в простодушном взгляде Альва, и положил на стол папку, принесенную с собой.

– Хоть бы раз пришел просто так, – с укором заметил кузнец, но глаза лукаво поблескивали, когда он доставал скрепленный завязками пергамент.

– Та попойка не считается за «просто так»? – засмеялся Хес.

Смех у него был приятный и задорный.

– Уел, – добродушно хмыкнул в густые усы Альв. – Боги, Хес, ты чего мне притащил?

Он с удивлением всматривался в плотные листы.

– Знаешь, – произнес он, склонившись над чертежами, – я думал, что страннее того меча мне уже ничего изготавливать не придется. Вижу, что ошибся. Что с этим делают-то?

– Метают, – хмыкнул охотник, разглядывая заготовки, разложенные на верстаке возле стены. – Берешься?

– Подожди, – кузнец нахмурился. – Здесь не просто сталь и серебро, тут странный сплав. Где я тебе возьму...

Он осекся, глядя, как мужчина достает из поясного кошелька два светящихся камня и кладет их на стол.

– Темный с тобой, Хес! – неверяще поглядел на них Альв. – Так это ты завалил баргеста³ в Больших Ключах в двух днях пути отсюда?

– Быстро слухи распространяются, – недовольно буркнул охотник.

– Быстрее, чем ты думаешь, – посерьезнел кузнец. – Ты привлекаешь к себе слишком много внимания. О тебе и так вся Гильдия шепчется, а ты еще и тварюшек себе самых опасных выбираешь!

– С другими и обычные охотники справятся, – Хесу явно не нравилась поднятая тема.

– В Большие Ключи отправили три связки⁴ охотников, в общей сложности пятнадцать человек, да еще и усиленные Инквизитором! А ты раскатал ее в одиночку. Если Святой Орден узнает про твои штучки, тебя вздернут на первом же дереве!

– Сомневаюсь, – охотник поморщился. – Кстати, об Инквизиторах. Тут-то что они забыли?

– Колдун у нас озорничает, – пробурчал Альв, остывая. – Седмицу назад мор в южной деревеньке устроил, а три дня спустя – активировал Круг Камней. Оттуда столько всякой мер-

³ Баргест – мифическое существо, чаще всего представляющее перед жертвой в образе огромной черной собаки с горящими алым глазами, но способно по своему желанию изменять облик. В мифологии считается призраком оборотня.

⁴ Связка – пять человек. В Гильдии охотники не работают поодиночке, отправляясь на задания слаженными и устоявшимися пятерками.

зости повылазило – всем городом отбивались. Вот святоши и трясут теперь всех в поисках концов.

– Не найдут, – фыркнул Хес. – Если он умный, то давно свалил из города и его окрестностей.

– Кто его знает, – пожал плечами кузнец. – Ты, как я понимаю, чаровать будешь?

– Конечно, – охотник кисло глянул на суровое выражение лица кузнеца. – Завтра вечером приду, когда ковать начнешь.

– Хес, навлечешь на себя беду, – Альв говорил тихо. – Инквизитор в городе, твое зачарованное оружие им не заметить, а вот если у него под носом колдовать начнешь – за хвост-то схватят.

– Кишка тонка, – резко отозвался охотник, жестом показывая, что разговор окончен. – Завтра вечером жди.

– Дурень, – кузнец тяжело вздохнул, расстроено покачал головой, провожая взглядом друга, и вновь уткнулся в чертежи.

Работу они начали на следующий день, поздно вечером. Альв, широко и мощно размахиваясь, придавал диковинную форму неподатливой, чуть светящейся голубоватым светом стали; Хес, стоя чуть поодаль и сложив пальцы в сложную фигуру, что-то неслышно шептал, прикрыв глаза. Сплав вспыхивал, менял цвет; на вырисовывающейся форме то тут, то там проступали необычные руны.

Кузнец, непрерывно продолжая работать, несколько раз недовольно и с опаской косился на сосредоточенного охотника. Даже у него, не имеющего ни малейшей склонности к колдовским наукам, трещали и искрились волосы от той мощи, что вкладывал его друг в новое оружие. Что уж говорить об инквизиторских ищейках, нюхом чувявших магию?

Когда работа по изготовлению стали была закончена, Хес устало опустил на табурет и, утирая пот, спросил:

– Когда закончишь?

– Дня через два, – буркнул Альв, складывая инструменты.

– А раньше?

– Ты не наглей, – кузнец возмущенно посмотрел на охотника. – Я из-за тебя и так все заказы откладываю, а к этому механизму нужны еще и мелкие детали, которые сначала изготовить бы следовало.

– Хорошо, хорошо, я понял, – поднял руки в знак примирения друг.

Он двигался быстро, словно сражаясь с невидимым противником. Удар, разворот, блок – снова удар. Меч серебряной змеей вился вокруг мужчины, грозно взрезая воздух и непрерывно напевая смертоносную песнь.

Удар, разворот, стойка – удар, блок.

Охотник взвился в резком прыжке, извернулся, пронзая врага яростно взвизгнувшим клинком. И остановился, заправляя непослушную седую прядь за ухо. Рубашка потемнела от пота, забранные в хвост темные волосы липли к шее.

– Вы действительно прекрасно владеете мечом, – раздался одобрителный голос.

Хес резко повернулся, оглядывая незваного гостя.

– Я вас не звал, – бросил охотник, поднимая полотенце и вытирая блестевшее от пота лицо.

– Мне часто приходится заявляться без приглашения, – Инквизитор насмешливо искривил тонкие губы. – Наслышан о вас, господин Хеспер.

– Польщен, – недовольно фыркнул мужчина.

– Я был там, – Священник пылливо взглянул на охотника и, заметив недоуменно изогнутую бровь, пояснил: – В Больших ключах, где вы так славно разобрались с баргестом. Да еще

и самкой с потомством. Как вам это удастся? Вы работаете один, что само по себе уже немислимо, но вы еще и, ко всему прочему, расправляетесь с весьма и весьма опасными Порождениями. В чем ваш секрет?

– На то он и секрет, чтоб оставаться тайным, – Хес начал злиться. – Вы ко мне по делу пришли или просто удовлетворить свое любопытство? Или, может, хотите мне что-то сказать подобными намеками?

Инквизитор улыбнулся и присел на скамью, стоящую возле стены дома.

Хес скривился, но промолчал. Охотники с орденами были что собака с кошкой. Теоретически могут жить мирно, но при встрече пес скалит зубы, кот шипит и норовит в глаза вцепиться.

– Господин Хеспер, вы слышал про колдуна?

– Да, мне рассказывали.

– Я уже четыре дня его ищу. После того, как он активировал Круг Камней. И пока никаких следов, будто он в воздухе растворился. Обычно деревенские колдуны не столь умны, чтоб вовремя успевать прятаться, и уж тем более замечать следы. Но, – Инквизитор задумчиво потер переносицу, – вчера я уловил отзвуки чародейства. Не обычного низшего колдовства, которое используется в большинстве случаев, а настоящей магии Призыва. Легкий отзвук, практически незаметный.

– Я-то тут при чем? – неприязненно поморщился охотник. – Колдуны – не моя забота.

– Этот колдун, – священник встал, – не так прост, как показался на первый взгляд. И если ему удастся призвать что-то посерьезнее домового духа, то, возможно, вскоре понадобится ваша помощь.

Хес промолчал, задумчиво провожая взглядом уходящего Инквизитора.

Альв не любил, когда кто-то присутствовал в кузнице, когда он работал. Он не мог сосредоточиться, злился и выгонял навязчивого посетителя вшаей. Однако с Хесом было совсем иначе. Кузнец чувствовал себя спокойней и увереннее, когда друг, так же, как и сейчас, молча сидел в освещенном углу, подальше от вырывающихся из горна горячих искр, уткнувшись в какую-то книгу.

Только Альв успел нанести последние штрихи на изделие, как охотник, мгновенно подскочивший со своего места, вцепился в новообретенное оружие, словно ребенок в долгожданную сладость. И, естественно, сразу же опробовал.

Серебристый, выглядящий литым диск в руках у Хеса ощерился тремя острыми когтями-лезвиями, со злым взвизгом глухо врубившись в каменную стену почти наполовину. Друг восхищенно выдохнул и легко выдернул оружие обратно.

– Альв, ты мастер! – он примеривал второй диск, вертя их в руках, пробуя на тяжесть.

Кузнец польщено улыбнулся в бороду. Охотник постоянно таскал ему схемы совершенно невообразимого оружия, что, впрочем, только радовало талантливого мастера.

– Стены-то все мне попортил, – притворно рассердился он и засмеялся, заметив проблеск раскаяния, промелькнувший по казавшемуся сейчас совсем мальчишечьим лицу.

– Мне сегодня визит вежливости нанесли, – Хес с довольной улыбкой цеплял на пояс диски в специальные ножны. – Инквизитор.

Альв поперхнулся воздухом.

– Хес, – угрожающе начал он. – Я же тебя...

– Просил помочь с колдуном, – невозмутимо продолжил охотник. – Говорит, тот чаровал вчера на Призыв – сейчас самое хорошее время для этого. И не смотри так, не засек он меня.

– А от тебя-то какая польза? – кузнец мрачно смотрел на друга. – Колдуны по их, святош, части.

– Так если он какую-нибудь Тварь призовет – мне с ней разбираться, потому что, кроме меня, в городе сейчас охотников нет. Хотя я сомневаюсь...

Хес замер на полуслове. Зрачки светлых глаз возбужденно расширились, взгляд у парня был словно в никуда.

– Вот мразь, – выругался он, смаргивая. – Альв, собирай стражу, этот паскудник вызвал слуа⁵! Не пускайте их к людям!

Кузнец, вздрогнув, кивнул и, подхватив массивный боевой топор, выскочил за стремительно исчезнувшим в темноте ночи охотником.

Слуа – отвратительные создания, низшие фейри Неблагого Двора, невероятно злобные и крайне ненавидящие людской род. Призывать их – самоубийство в особо извращенной форме, потому что эти твари никогда не подчинятся человеку. Появляются стаями, истребляя города до последнего жителя и животного. И такая участь постигнет их, если Хес не сможет справиться с ними.

Охотник неся по темным улочкам города, словно гончий пес по следам. Мертвяки не могли появиться в стенах, значит, где-то недалеко от ворот, скорее всего, возле кладбища.

Хес темной молнией проскочил мимо дремавших стражников, кулаком под дых приводя их в чувство:

– Ворота закрывай сейчас же! Слуа рядом!

Не став ждать, пока ловящий ртом воздух стражник сообразит, что к чему, охотник направился к захоронениям.

Еще издали он увидел мигающие точки, быстро приближающиеся к нему. Привычно начертав руну, Хес цепко оглядел теперь видимые во тьме уродливые силуэты, с хохотом несшиеся к своим жертвам. Слегка улыбнувшись, он слитным движением повел руками, метая навстречу духам диски. Блеснув вспыхнувшими на металле рунами, оружия с шорохом снесли головы двум мгновенно рассыпавшимся пеплом тварям, очертили круг и вернулись к своему ловко подхватившему их хозяину.

Твари яростно взвыли и разом набросились на одинокую фигуру. Хес, пригибаясь, прыжком ушел в сторону, снова метая диски. Вспышка – еще две твари осыпались на землю. Перехватив оружие и вернув его в ножны, он вытащил клинок, молнией прыгнувший к подобравшемуся близко духу.

Охотник крутился, отражая сыпавшиеся на него со всех сторон удары, легко пробивая защиту тварей и сокращая количество противников. Двигался молниеносно быстро, как не под силу двигаться ни одному человеку, изгибался, уходя от ударов.

Один из духов, яростно взревев, вскользь задел Хеса по скуле, прочертив глубокую царапину. Их было слишком много. Охотник сжал зубы – и сложил пальцы в знак.

Из-за спины дохнуло смертью. Не успев активировать заклинание, Хес прыжком сместился в сторону, легко перекувыркнулся, прикрывая лицо рукой. По тому месту, где он только что стоял, и где вилась толпа разъяренных духов, хлестнул ослепительный луч света, превращая в пыль и прах мертвецов. Охотник зашипел, отдергивая обожженную руку и щуря режущие глаза.

Духи были уничтожены. Одним ударом.

Мужчина поднялся, опуская клинок и пытаясь проморгаться. Зажженный факел высветил знакомую фигуру в рясе.

– Живой? – поинтересовался Инквизитор, подходя ближе и освещая все еще щурившегося охотника.

⁵ Слуа – низшие фейри Неблагого Двора, воинство духов-мертвецов. Крайне злобные и агрессивные создания, не щадящие ничего живого.

– Не учили предупреждать, когда бьешь? – сдерживая kloкочущую ярость, прошипел Хес.

– «Святая Длань» безвредна для людей, – равнодушно отвернулся священник. – Опасна она только для нежити и фейри.

Инквизитор не заметил, как охотник вздрогнул и поспешно натянул перчатки на обожженные руки.

– Что с колдуном? – мрачно поинтересовался Хес, идя следом за священником.

– Слуа его сожрали, как, впрочем, и следовало ожидать, – Инквизитор обернулся, пытаясь вглядываясь в мужчину. – Благодарю за то, что задержали их, господин Хеспер. Хотя против духов наша Сила куда более действенна, чем ваше оружие, но вы действительно мастер своего дела.

– Я просто так не работаю, – буркнул охотник.

– Хорошо, – покладисто донеслось в ответ. – Как будете проезжать мимо любой Обители, зайдите и скажите, что вы от брата Гайюса, вам заплатят.

– Сдался ты мне, – тихо фыркнул Хес, обходя толпу перепуганных стражников, бросившихся с расспросами к священнику.

И медленно побрел домой, прижимая к груди горящую огнем правую руку.

Наутро Хес едва поднялся с кровати. Голова болела, все тело ломило, словно его вчера били. На глаза, их резало и щипало, постоянно наворачивались слезы. Боль в правой руке не только не утихла, но, казалось, вспыхнула с новой силой, хотя заклинание проклятого Инквизитора и не оставило на ней следов. Охотник застонал, пожелал священнику с муками упокоиться у Темного, с трудом оделся и спустился вниз.

– Вам письмо, господин, – Вьела подала вышедшему в обеденную залу Хесу плотный конверт.

Мужчина кивком поблагодарил ее. Нахмурился, заметив гербовую бумагу и печать Гильдии, пробежался глазами по строчкам, в ярости сжал, комкая, хрупкий листок и швырнул на пол.

– Хес? – удивился Альв, глядя на вошедшего друга.

Тот был мрачен и раздражен.

– Звезды остались? – даже не поздоровавшись, спросил он.

– Конечно, с прошлого раза еще, да немного сделал новых, – кузнец потянулся к небольшому резному ящику, доставая оттуда блеснувшие серебряной режущей кромкой небольшие метательные звезды. – Все равно ими, кроме тебя, никто пользоваться не умеет.

– Спасибо, – буркнул Хес.

– В чем дело? – Альву не нравился настрой охотника.

– Письмо из Гильдии пришло, требуют меня явиться срочно, – по лицу мужчины пробежала гримаса злобы. – Я им мальчик на побегушках, что ли?

– Брось, – отмахнулся кузнец. – Они тебя как огня боятся. Сам говорил, что про заказы только письмами и извещают, в то время как остальные охотники в Гильдию таскаются каждый раз. Видать, что-то серьезное стряслось.

– Я устал, Альв! – простонал Хес, бессильно опускаясь на низкий табурет. – Уже полгода без отдыха, все на трактах! И одни Твари, видеть их паскудные рожи уже не могу! – он запустил пятерню в волосы, и без того растрепанные.

Кузнец изумленно посмотрел на друга. Тот никогда не говорил о собственном состоянии, никогда не жаловался, даже когда два месяца назад полутрупом приполз с широкой рваной раной. Истекающий кровью, он умудрялся костерить, на чем свет стоит, проклятых Тварей и лекаря, которому, по его мнению, надо было только коновалом и работать.

– Если это Инквизиция воду мутит, клянусь Бездной, я их всех перережу к Темному! – прошипел охотник.

– Придержи язык, – посоветовал Альв. – Не приведи Боги, услышит Темный клятву, как выкручиваться будешь?

Хес фыркнул себе под нос что-то неразборчивое, подхватил мешочек из плотной кожи с метательными звездами и направился к выходу.

– Что с рукой-то? – запоздало вскинулся кузнец, только сейчас заметив, что друг бережет правую руку.

– Слуа задели, – охотник обернулся у порога. – До встречи, Альв. И спасибо.

– Удачи тебе, друг, – тихо произнес кузнец, глядя на закрывшуюся за Хесом дверь.

Сборы у охотника не заняли много времени. Аккуратно прикрепив ножны с дисками на пояс, Хес надел перевязь с мечом, удобно устроил по специальным кожаным кармашкам, нашитым по всей одежде, звезды; немного подумав, сунул за голенища сапог ножи, подхватил чересседельные сумки и, попрощавшись с искренне огорчившейся экономкой, направился в конюшню.

Жеребец, почуяв хозяина, сначала радостно заржал, а потом, словно его подменили, резко дернулся в сторону, испуганно кося глазами, хрипя и роняя с губ пену.

Хес расстроенно посмотрел на животное, ласково поглаживая по нежному храпу и тихо шепча успокаивающие слова.

– Опять... Всего две седмицы... Проклятье, мне так скоро каждый день новую лошадь покупать придется, – пробормотал он, выводя коня.

Легко вскочил на приплясывающего на месте палевого и, сдерживая его, направился прочь из города.

Глава 2

Город Альфонзул, в котором обосновалась Гильдия Охотников, поражал своей монументальностью. Мощные крепостные стены, способные выдержать не один прямой удар баллист и стенобитных орудий; огромные массивные ворота, обитые железными с вкраплениями серебра полосами; ров, огромным кольцом окружающий словно ошетилившийся и готовый к войне город.

Альфонзул стоял на самой границе между людскими королевствами и Темными землями – обиталищем Благих и Неблагих фейри, откуда непрестанно лезла различная нежить. Там постоянно гремели войны между враждующими фракциями духов, и человек, забредший туда, был обречен. Впрочем, на территорию людей Высшие фейри практически не претендовали, лишь иногда нарушая границу ради собственного удовольствия, что оборачивалось огромными человеческими потерями. Поэтому охотники обосновались здесь, являясь первой и фактически последней линией обороны на пути у обитателей иного мира.

Хес въехал в Западные ворота, куда его, в отличие от обычных людей, мгновенно пропустили. Всех охотников стража знала в лицо и не смела чинить препятствий на въезде. Здание Гильдии находилось в самом центре города. Мужчина, ненавидящий людские толпы, успел дойти до состояния кипения, прежде чем добрался до Цитадели.

Во дворе, окруженном высокой стеной, его встретили шепотки, восхищенные, завистливые, порой – ненавидящие взгляды. Равнодушно кивая приветствующим его охотникам, Хес отвел нервничающего жеребца в конюшню и напрямик направился к главе Десебелу.

Господин Десебел, кряжистый мужчина лет пятидесяти, несмотря на свой возраст, был все еще силен и быстр. В свое время он успел прославиться как один из самых успешных и удачливых охотников Гильдии и, когда предыдущий Мастер отошел от дел, был избран на пост главы, отличаясь способностью подобрать ключик к самому упрямому сердцу своих подчиненных.

Вот и сейчас он лишь тоскливо вздохнул, когда его лучший охотник без стука, с грохотом распахнул дверь, заходя в кабинет.

– Здравствуй, Хес, – Мастер протянул руку для приветствия. – Рад тебя видеть.

– Сомневаюсь в правдивости твоих слов, – скривился молодой мужчина, но руку пожал. – Давай сразу к делу – знаешь же, что я терпеть не могу этот город.

Глава Десебел неодобрительно покачал головой, осуждая резкость охотника.

– Я слушаю, – напомнил Хес, развалившись в кресле и нервно постукивая ногой.

– Два разведывательных отряда наткнулись на довольно странное место, – неспешно начал Мастер, садясь за стол и сжимая руки в замок. – В двух седмицах пути отсюда, вдоль границы. Однако то, что они обнаружили, находится на нашей территории. Небольшое слепое пятно на местности. Скорее всего, какой-то барьер, искажающий пространство.

Хес нахмурился. Он прекрасно знал, что подобные вещи могли проделывать только Высшие фейри, что грозило серьезными неприятностями.

– Я посылал туда людей, – голос главы понизился. – В общей мере тридцать пять человек. Вернулись только двое, но рассудки у них помутились. Они ничего не помнят, только постоянно воют и мечутся, боясь темноты.

– Из этого барьера что-нибудь лезет? – деловито спросил охотник. – Или кого-то туда утаскивали?

– Нет, – пожал плечами Десебел.

– Тогда, может, стоит оставить его в покое? Или у тебя неограниченное количество людей? Рекрутов не успевают готовить – Твари в последнее время как с цепи сорвались, коли-

чество охотников стремительно сокращается. А бросать в бой новичков, которые едва ноггла⁶ от аванка⁷ отличат – несколько нечеловечно, не находишь? – Хес недовольно искривил губы.

– Дело не только в этом, – глава прищурился, в глазах промелькнуло раздражение. – На нас насело Святое Братство.

– Так я и знал, что без этих рясочников не обошлось! – воскликнул охотник, раздраженно ударив сжатым кулаком по крепкому подлокотнику. – В чем они нас обвиняют на этот раз?

– В использовании запретного искусства, – Десебел презрительно поморщился. – Таскаются за ребятами, как приклеенные – среди охотников уже зреет недовольство. Два дня назад Дорас сцепился с одним из Инквизиторов, когда тот попытался конфисковать якобы зачарованное оружие. Шуму было столько, что полгорода сбежалось. И теперь священники вообще не собираются оставлять нас в покое.

Хес хмыкнул. Дорас был известным драчуном и задирой, не спускавшим оскорбления никому, можно поспорить, что и против Темного бы пошел, дай тот только повод. Что уж говорить о посягательстве на оружие, для каждого охотника считавшегося продолжением их самих.

История вражды Гильдии Охотников и Святого Ордена уходит корнями к самому началу новой Эры, к моменту прихода в этот мир Аенеаса как Наместника Семерых. После разрушительной войны с волшебным народом, последствия которой давали о себе знать на протяжении еще двух сотен лет, на землях людей, активно создающих собственное королевство, молодое, сильное, освобожденное от влияния фейри, стали появляться Твари. Странные существа, не имеющие ничего общего с изгнанными с ныне принадлежащей людям земли волшебными существами и духами природы. Жуткие, кровожадные, невероятно сильные и умные, они легко уничтожали посланных на их поимку братьев Ордена – Святая Сила не действовала на порождений Темного. Именно тогда и появились первые охотники, в первый же год успешной работы создавшие Вольницу – в стремительно разрастающуюся Гильдию стекались воины и наемники со всего королевства. Платили воспрявшие духом градоправители, да и простой люд, очень хорошо, потому что в случае неуплаты или надежд, возложенных на помощь от Святого Ордена, от деревень и городов, брошенных охотниками на растерзание Тварям, не оставалось ничего, кроме могильного холода и пустых строений, тоскливо вззирающих провалами окон-глазниц.

Святой Орден почувствовал, что стремительно теряет былую власть над умами людей, и здорово обозлился на конкурентов. Посыпались обвинения в колдовстве, в использовании зачарованного оружия, в сговорах с фейри и духами природы. Нельзя сказать, что они были так уж неправы – иногда охотники не гнушались и «греховными» способами усилить оружие или дать себе и своим товарищам по связке больше шансов на выживание. С духами природы, которые не вредили людям или их вмешательство в жизнь человека ограничивалось шутками, пусть и злыми, в конфронтацию не вступали, предпочитая разрешать подобные конфликты мирным путем – и вашим, и нашим. С Высшими фейри почти не сталкивались – верхушка волшебного народа редко снисходила до людей, поэтому особых проблем с ними не было. Но никогда охотники не позволяли себе отпустить на свободу существо, которое может принести кому-нибудь вред.

Однако Святой Орден не унимался, и конфликт начал перерастать в серьезную угрозу для стабильности королевства, особенно после того, как король, напуганный начавшимся противостоянием, издал указ о невмешательстве Ордена в дела Гильдии. Священники озлились еще больше, и закончилось все плачевно: в Праздник Урожая в Альфонзуле показательно сожгли

⁶ Ноггл – водяная лошадка, вполне безобидное существо. Максимум, что грозит встретившему его – неприятное купание в ближайшем источнике воды.

⁷ Аванк – свирепое водяное существо, похожее на громадного крокодила.

одного из ветеранов Гильдии – Кайела, теперь известного под именем Душегубец. Его, не раз провоцировавшего конфликты с орденцами из-за обвинений в колдовстве и попытках спасти невинных людей от плахи или костра, повязали в таверне, зная, что товарищей по связке рядом нет, и сразу же потащили на эшафот.

Основная проблема заключалась в том, что Кайел действительно обладал даром. Пусть не самым сильным, неразвитым, потому что избрал путь меча и стали, но все же он вполне мог направить свою жизненную энергию в нужное русло. А как известно, в момент смерти сила возрастает во много раз, подпитанная уходящей из тела жизнью. И в момент сожжения город получил сильнейшую темную душу, одержимую жаждой мести.

Душегубца не смог остановить никто. Ни охотники, которые не сильно-то стремились, а некоторые даже порывались помочь уже мертвому товарищу совершить правосудие, ни перепуганные священники, оказавшиеся абсолютно беспомощными перед мстительным духом, на которого, как ни удивительно, не действовала Святая Сила. Всего за одну ночь было вырезано все представительство Святого Ордена в Альфонзуле. Бывалые охотники, наутро решившиеся зайти в здание, которое всего несколько часов назад содрогалось от диких криков ужаса и боли, выскакивали оттуда с перекошенными лицами и бросались к ближайшим кустам: повидали они всякого, но такого не ожидал никто. Тела находили в неестественно изломанных позах, выпотрошенные, с растянутыми поперек коридоров внутренностями; некоторые болтались на потолочных балках, раздавленные собственными кишками; сгустки крови багровели на полу, стенах и даже потолке, а Инквизитора, отдавшего приказ вопреки воле короля, обнаружили в собственной келье, распятого на стене – по перекошенному лицу, выпученным глазам и намотанным вокруг туловища внутренностям самые стойкие из охотников сделали вывод, что мучился он долго.

Кайел же исчез сам. До сих пор никто не знает, навсегда ли Альфонзул избавился от темной души, или же мертвый охотник до сих пор защищает своих товарищей от посягательств со стороны Святого Ордена.

Но священники после этого происшествия надолго притихли, не решаясь более трогать Гильдию, и в самом городе Инквизиторы появлялись очень редко и то проездом, так что охотники заняли в Альфонзуле прочную позицию.

А теперь, словно забыв о былом, орденцы вновь взяли за старое.

– Но больше всего, – продолжил Мастер, – их интересуешь ты, Хес.

– Будь они прокляты, – охотник насторожился и сжал кулаки. Обожженная рука отозвалась дергающей болью. – Что им надо?

– Ты – одиночка. То, что ты не только жив, но и продолжаешь успешно выполнять задания, приводит их, равно как и нас, в замешательство. Они почти утвердились во мнении, что ты колдун. А ты сам знаешь, чем тебе это грозит.

– Меня это мало волнует, – бросил Хес.

– Зато это волнует меня, – тон главы изменился, став угрожающим. – Я не хочу терять лучшего охотника из-за нелепых обвинений. Собери связку, Хес.

– Нет, – категорично ответил охотник, оскалившись. – Когда я один на охоте, то я и отвечаю только за себя, мне нет нужды присматривать за неуклюжими неумехами, которых в этой Гильдии большинство.

– Ты упрям, как толпа цвергов⁸, – устало произнес Мастер. Впрочем, он и не ожидал, что упертый парень согласится. – Тебе задание.

– Весь во внимании, – успокоился Хес, поняв, что неприятная тема исчерпана.

– Тот барьер. Его надо проверить и выяснить, что же все-таки он из себя представляет.

⁸ Цверги – земляные духи, схожие с гномами.

– В чем подвох? – осведомился охотник. – Если бы это было все, то об этом можно было просто сообщить в письме, а не заставлять меня ехать сюда, тем более тогда, когда тут постоянно рыскают жаждущие моего общества Инквизиторы.

Глава Десебел внимательно посмотрел на сидящего перед ним мужчину. Лучший охотник, легенда не только среди молодежи, но и среди бывалых охотников. Человек, способный один на один разобраться с баргестом. Неудивительно, что Инквизиторы так интересуются им.

– Святое Братство, – коротко сказал глава. – Они требуют, чтобы ты взял с собой одного из них.

– Что?! – взревел Хес и ударил кулаком по столу. – Это исключено!

– Тогда... – Мастер достал какой-то лист. – Это приказ от Настоятеля Братства. Здесь обвинение в колдовстве, право на арест, заверенное королевской печатью. Я подозреваю, что Грайден Третий понятия не имеет, что под такой гнусной бумагой стоит его личный знак – кто-то из верхушки явно стелется под святош и каким-то образом протаскивает подобные приказы. Но пока я буду пытаться это доказать – они доберутся до тебя. Им разрешено уничтожить тебя, если ты будешь сопротивляться.

Говорил он глухо и нехотя. Подняв глаза, посмотрел на охотника. Тот стоял бледный как мел, только кажущиеся сейчас серебряными глаза сверкали в бессильной злобе. Десебел запнулся – в знакомом взгляде он увидел то, чего никогда прежде не замечал в этом человеке – загнанность, неверие и тоскливую обреченность, словно Хес уже однажды проходил через что-то подобное.

– Когда-нибудь мироздание покарает этих ублюдков. И я по мере своих сил поспособствую этому, – яростно прошипел он, и дрожь пробрала Мастера Десебела, потому что в голосе его проскользнуло нечто, что заставило сердце бывалого воина сжаться от страха.

Охотник резко развернулся и пошел к двери.

– Подожди, – окликнул его глава. – Я считаю, что это должно быть у тебя.

На стол, глухо звякнув, упало золотое массивное кольцо. На алом камне красовался оттиск герба Гильдии и личный знак охотника – пикирующий сокол.

Хес словно споткнулся. Неверящим взглядом посмотрел на блестящее украшение и тихо спросил:

– Когда?

– Пять дней назад. Баггейн⁹, – Десебел молча смотрел на Хеса, чей потухший взгляд был прикован к кольцу.

Мужчина медленно подошел и взял его в руки, проведя пальцем по холодному ободку. Сжал в кулаке и быстро вышел, вопреки обыкновению аккуратно притворив за собой дверь.

Был уже поздний вечер, но жизнь в городе и не думала затихать. По хорошо освещенным улицам неторопливо прогуливались целомудренные парочки, чтобы, дойдя до достаточно темной подворотни, уже заняться, наконец, друг другом; девицы легкого поведения хватали мужчин за рукава и, переругиваясь, наперебой предлагали себя; охотники, вернувшиеся с рейдов, благосклонно подхватывали шлюшек за талии, и вся компания, весело хохоча, отправлялась в ближайший трактир.

Хес сидел в одиночестве в одном из самых популярных у охотников заведений, которое носило претенциозное название «Приют Охотника» – аккуратное двухэтажное здание с просторным залом, в котором стояли круглые столы из темного дерева, потрескавшиеся от времени, но накрытые белыми скатертями; миловидные разносчицы, застенчиво улыбающиеся подмигивающим им мужчинам, ловко лавировали в узких проходах. Вокруг весело шумели,

⁹ Баггейн – оборотень, из Неблагих фейри. К людям чувствует лютую ненависть, к тому же является одним из самых опасных существ помимо Высших Неблагих.

пили и переговаривались товарищи по гильдии, но мужчина, сидящий за крайним столиком, в самом углу, едва ли замечал этот шум.

Взгляд светлых глаз был тяжел и мрачен. Хес бездумно вертел в руках кольцо с пикирующим соколом и неподвижно смотрел в пустоту. Рядом стояла кружка, далеко не первая, крепкого эля. Охотники изредка сочувственно косились на парня, но никто не рискнул к нему подойти.

Ролло считался наставником Хеса, хотя молодого охотника не нужно было ничему учить: как выяснилось сразу после прибытия черноволосого парня в Гильдию, тот прекрасно управлялся как с мечом, так и со стрелковым оружием. Кроме того, техника, которую он использовал в схватках, была не знакома никому из охотников, но показала себя исключительно эффективной в бою с Тварями. Охотники были уверены, что двое товарищей, за короткое время ставших близкими друзьями, будут собирать связку, и каждый из еще не примкнувших к командирам охотников бдительно караулил этот момент – сражаться бок о бок с такими воинами хотелось каждому. Однако Ролло и Хес, частенько выезжающие на задания вдвоем, не торопились увеличивать число сотоварищей до положенного пяти.

Негромко хлопнула дверь. В помещение вошел мужчина в рясе – суровое лицо, пронзительные, глубоко посаженные глаза, руки, грубые, мозолистые, явно привыкшие не только к молитвам, но и к оружию, – сопровождаемый невысоким, худощавым рыжим пареньком с озорными голубыми глазами – совсем еще мальчишка, голенастый, немного сутулый, похожий на нахохлившегося вороненка. Присутствующие негромко, но достаточно явственно выразили свое недовольство, несколько охотников весьма недружелюбно и многообещающе взглянули на орденцев, однако Инквизитор со спутником, проигнорировав всеобщее настроение, решительно направился к одиноко сидящему Хесу.

– Добрый вечер, господин Хеспер, – негромко поздоровался он.

Мужчина несколько мгновений молчал, не двигаясь, застыв, словно изваяние, потом медленно поднял на него взгляд. В стальных глазах тлели искорки ненависти, с каждой секундой разгоравшиеся все больше.

– Чего тебе, ублюдок? – тихо спросил он.

В наступившей тишине эти слова были подобны грому. Охотники могли соперничать со святыми братьями, могли ненавидеть их или презирать, но редко кто позволял себе открыто оскорблять Инквизиторов – это могло вылиться в нешуточный конфликт. Рыжий паренек аж задохнулся от возмущения, вскинулся и гневно спросил:

– Как ты смеешь так разговаривать с магистром Гайюсом?

– Заткни пасть, сопляк, – все так же, не повышая голоса, произнес Хес.

Поднял голову и, глядя на Инквизитора в упор, прорычал:

– Кто из вас, паскуд, был с ним, когда он пошел на баггейна?

Брови Инквизитора удивленно приподнялись. Он был в курсе недавно произошедшего и сразу понял, о чем говорит охотник. Недалеко от крохотного городка, носящего громкое название Стоящий-на-Перепутье, объявился баггейн – опасное существо, с которым немногим было под силу справиться. Свободных связок охотников было всего две, но одна находилась недалеко от столицы, и оборотень успел бы сожрать полгорода, пока бы они добрались до места происшествия, а вторая связка состояла из неопытных молодых охотников, и магистр Десебел запретил браться за истребление этой твари. В Гильдии находился только Ролло, по причине недавнего ранения отсиживающийся в крепости и страдающий от безделья, который ждал запропащившегося Хеса. Бывалый охотник впервые переоценил свои силы – слишком он привык к тому, что его спину прикрывает такой боец, как возвращающийся с очередного рейда черноволосый мужчина. Святое братство, заинтересованное в уничтожении баггейна, послало за самоуверенным охотником одного из своих. Инквизитор вернулся обратно один и привез,

кроме известия о смерти, еще и перстень, ранее принадлежавший Ролло, а теперь лежащий на столе перед Хесом.

– Удивлен? – голос Хеса звучал хрипло. – Да, я знаю, что вы постоянно следили за ним, как за моим лучшим другом, и что один из вас сопровождал его к той Твари. Почему вы своей проклятой «святой силой» не защитили его?! Посчитали, что он этого не достоин?!

Последние слова он с ненавистью выплюнул в лицо молча стоящему священнику.

Охотник, глядя в невозмутимое лицо, расхохотался:

– А теперь решили оказать мне честь сгореть на святом костре? Что же будет с вами, когда мы, истребленные когтями Тварей и вашими виселицами, просто исчезнем? Пока мыдохнем, как псы, защищая ваш покой, вы охотитесь на нас, как на Порождений Тьмы!

Такой яростью горели его глаза, и такая неистовая злоба клокотала в низком голосе, что Инквизитор попятился. Хес, словно зверь, почуявший слабинку и страх, метнулся вперед, перевернул стол, отшвыривая его на подскочивших со стульев охотников, с шелестом вытянул клинок из ножен, и отточенная сталь уперлась священнику в горло.

Охотники подорвались с мест, бросаясь к озверевшему собрату. Сразу двое повисли на руках мужчины, но практически сразу были отброшены, словно щетки. Рыжий мальчишка кинулся на защиту своего Наставника, но жестокий удар локтем в лицо заставил его отшатнуться назад, падая навзничь. Он завозился, прижал руки к лицу, а между пальцев заструилась кровь из разбитых губ и не иначе как сломанного носа.

– Твоя душа, Гайюс... – почти ласково прошипел охотник. – Твоя душа более мерзкая, чем все те Твари, что встречались мне. Она черная, словно деготь, и столь безнадежно погрязла в грехах, что ни один из Семерых не заступится за тебя перед Судом! Разве такой, как ты, имеет право карать?

Он отодвинулся от посеревшего Инквизитора, так и не решившегося по неизвестной причине даже слова сказать своему разъяренному противнику, и, отстранив испуганных таким оборотом дел охотников, медленно направился к выходу:

– Святое Братство отживает свой срок, Гайюс. Ваши Боги уже давно покинули этот мир. Попомни мои слова.

Мрачный Хес, пытаясь унять гудящую головную боль, седлал хрипящего и вырывающегося жеребца.

Утро не задалось с самого начала. Только начало светать, как в его комнату влетел разъяренный мастер Десебел и устроил светопреставление, разве только не набросившись на него с кулаками за вчерашнюю выходку, сильно усложнившую и без того непростые отношения между Гильдией Охотников и Святым Братством.

Хес отворачивался, накрывался одеялом с головой и невежливо посылал взбешенного главу Гильдии к Темному, но Десебел продолжал бушевать, призывая всевозможные кары на голову проклятого охотника. До тех самых пор, пока Хес, щурясь от режущего глаза света и придерживая голову, дабы она не развалилась на две половинки, не встал с кровати и клятвенно не пообещал, что сейчас же исчезнет из города.

И теперь эта проклятая лошадь. Хесу надоело терпеть дурного коня, и он со всей силы вытянул его по храпу хвостотиной. Животное завопило от боли, но присмирело, с ужасом косясь на хозяина.

– Как вы с боевым другом-то обращаетесь, – раздался возмущенный голос сбоку.

Охотник развернулся, сжимая кулаки. Рядом, держа под уздцы смирного гнедого мерина, стоял давешний рыжий паренек, с затаенной злобой глядя на Хеса. На лице багровел кровоподтек, а губы были растрескавшимися – последствия жестокого удара в лицо.

– Чего тебе надо? – буркнул мужчина, отворачиваясь.

– Я с вами поеду, – по голосу парнишки было понятно, что его, равно как и охотника, данная перспектива в восторг не приводила, да и вчерашнего простить охотнику долговязый юнец явно не мог.

– Темный, за что мне это все? – взмолился отчаявшийся Хес. – Сопля, ты хоть раз в жизни меч в руках держал?

Рыжий насупился и, вскинув острый подбородок, сверкнул голубыми глазами:

– Истинному служителю Семерых не нужна презренная сталь! Я усмиряю Порождения Ночи святой Силой, данной мне свыше!

Хес расхохотался:

– Ты хоть до послушника-то дорос, мальчишка?

– Дорос, – буркнул съездившийся юноша, злобно посверкивая глазами.

– Как звать? – более дружелюбно поинтересовался охотник, славив с упрямым жеребцом и легко взлетая в седло.

– Исэйас, – мальчишка гордо задрал голову и неловко забрался на гнедого.

Хес, косо поглядев на неуклюжие движения непрошенного спутника, тяжело вздохнул и прищипорил палевого, покидая Альфонзул. Паренек, не слишком уверенно державшийся в седле, упрямо сжал зубы и последовал за своим спутником.

– Что ты пыхтишь, как медведь после спячки? – раздраженно рявкнул охотник, когда ему надоело выслушивать печальные вздохи и постанывания Исэйаса.

Солнце медленно клонилось к закату. В пути они были совсем ничего, по меркам охотника, – часов девять, не больше. За это время они останавливались всего один раз, чтобы дать лошадям передохнуть, да и самим перекусить не мешало. Хес знал, что через четверть часа возле леса будет небольшой постоялый двор, в котором можно остановиться на ночь. Да и с жеребцом, совершенно переставшим воспринимать хозяина как дружелюбное ему существо, надо было что-то делать.

Мальчишка на вопрос промолчал, лишь страдальчески поморщился, ерзая в седле.

– Задницу отбил, что ли, герой? – осведомился Хес, сдерживая усмешку.

Исэйас возмущенно посмотрел на теперь уже хохочущего в голос охотника и что-то прошипел, мстительно косясь на спутника, чем вызвал лишь новый взрыв смеха.

На постоялом дворе Хес наблюдал за мальчишкой: движения были неловкими, неуклюжими. Когда он передавал поводья подскочившему конюху, охотник бросил взгляд на его руки. Изнеженные, не державшие ничего тяжелее пера. Трудно с ним будет.

Во время ужина мальчишка не проронил ни слова, хотя по его глазам было видно, что на языке у послушника крутится целая сотня вопросов, но не понаслышке зная тяжелый нрав охотника, он предпочитал молчать и сверлить ословевшим взглядом столешницу.

– Иди, ложись, – Хес за шкирку поднял из-за стола клюющего носом паренька.

– А ты куда? – вскинулся тот, сонно моргая глазами.

– Пойду, осмотрюсь, не водятся ли здесь какие Твари, которых ты потом изгонишь, – насмешливо ответил охотник, накидывая плащ.

Мальчишка побледнел, но упрямо заявил:

– Я с тобой!

– А я сказал – спать, – нахмурился Хес.

– Нет! Мне магистр... сказал... – съезжился под испепеляющим взглядом мужчины юнец.

Хес, не слушая возражений, схватил Исэйаса за руку, отвел в отведенную ему комнату, резким толчком в грудь заставив того повалиться на кровать.

– Выйдешь – прирежу, – спокойным тоном сказал он, незаметно для мальчишки складывая пальцы в знак.

Исэйас закрыл ставшие тяжелыми веки и, спустя секунду, мирно засопел, отвернувшись к стенке.

Хес вышел за ворота притихшего постоянного двора и быстро направился к лесу, темной полосой видневшемуся невдалеке.

Не доходя до него пары сотен метров, остановился. Запрокинул голову, всматриваясь в мигающие точки звезд; глубоко вздохнул, с затаенной тоской чувствуя окружающую его ночь. Потом мотнул головой, отгоняя наваждение, прикрыл глаза цвета расплавленного серебра, мягко замерцавшие во тьме, и чуть слышно выдохнул слова.

– Приветствую тебя, Ловец Душ, – шелестом ветра в траве пронесся женский голос.

– Приветствую тебя, Благая, – тихо ответил Хес.

Перед ним, свиваясь из струй воздуха, возникла фигура невыразимо прекрасной в лунном свете нагой девушки.

– Что привело тебя ко мне в столь тяжкое время? – сильфида¹⁰ медленно приблизилась к неподвижно стоящему мужчине.

– Простая, – Хес слегка улыбнулся нечеловечески красивой женщине, которая ласковым дуновением ветра дотронулась до его щеки. – Мне нужен мой рабикан¹¹.

– А как же простые лошади? – в нежном голосе сильфы проступило удивление.

Охотник только развел руками. Фейри нахмурилась.

– Ты слабеешь, Ловец, – ее прозрачные глаза пристально изучали замершего в шаге от нее мужчину. – Почему ты сжигаешь себя ради людей?

Хес промолчал, прикрывая мерцающие глаза:

– Ты исполнишь мою просьбу?

– Ты помнишь плату, молодой господин? – сильфа отстранилась.

– Да, помню. Может, еще и коня заберете? Жалко животину вот так просто оставлять.

— Конечно, – мягко улыбнулась дух воздуха.

Охотник закатал рукав рубашки, вытащил нож и полоснул по запястью. Из пореза заструилась густая, серебряная в свете луны, кровь.

Сильфа подставила сложенные руки под струю – и капли крови у нее на ладонях перекачивались, блестя появляющимися гранями и превращаясь в темные рубиновые камни.

Она вновь улыбнулась и рассыпалась потоками ветра. На ее месте закружился темный вихрь, уплотняясь и приобретая форму. Мгновение спустя в протянутую руку Хеса ласково ткнулся огромный вороной жеребец с золотыми глазами.

– Ну, здравствуй, Силест, – мужчина прижался к могучей шее, вдыхая исходивший от ветряного духа запах свежей травы и легкого бриза.

– Вот это да, – восхищенно крутился вокруг жеребца, косившего желтым глазом на назойливого человека, Исэйас. – Господин охотник, где ты его взяли?

– Обменял на палевого, – Хесу надоели глупые вопросы мальчишки, и он жестом велел тому отойти от лошади.

– Быть такого не может! – возмутился юнец, топнув ногой. – Тот был просто клячей по сравнению с этим твоим Силестом!

– Значит, я ограбил умалишенного, – раздраженно отозвался охотник, прикрепляя чересседельные сумки.

– Или... – Исэйас сверкнул глазами. – Может, ты колдовал?

Это было последней каплей. Хес мгновенно оказался рядом с парнишкой.

– Ты, инквизиторский выродок, – прошипел он, хватая юношу за грудки и рывком притягивая к себе. – Еще одно подобное предположение, и я утоплю тебя в ближайшей канаве.

¹⁰ Сильфы – фейри, добрые духи воздуха, принадлежащие к Благому Двору.

¹¹ Рабикан – это конь, которого кобылица, созданная из огня и искр, зачала от ветра. Был вороным жеребцом, черным, как смоль. Вскормлен он был не овсом, а чистым воздухом.

– Магистр Гайюс тебе этого не простит! – злобно выкрикнул мальчишка, неловко шлепаясь в пыль, отброшенный крепкой рукой.

– Не смей меня, – равнодушно бросил охотник, разворачиваясь. – Ты думаешь, он выбрал тебя потому, что ты какой-то особенно выдающийся? Да своей неуклюжестью и неумением, мальчишка! Он отправил тебя со мной только потому, что ты не сможешь выжить даже рядом с охотником. И, когда я вернусь один, он с полным правом, заручившись поддержкой негодующих идиотов вроде тебя, отправит меня на виселицу или на костер. Он ждет, что ты его не подведешь и сдохнешь в этом походе.

С каждым словом лицо Исэйаса все больше бледнело, губы задрожали, на глаза навернулись слезы, которые он тщетно пытался сдержать.

– Ты лжешь! – в бессильной ярости закричал юнец.

– Если слепец чего-то не видит, то это не значит, что этого не существует, – пожал плечами Хес, вскакивая на коня и молча выезжая со двора.

Всхлипывающий мальчишка так и остался сидеть в пыли, размазывая по лицу злые слезы.

Через четверть часа охотник услышал глухой топот позади себя, и Исэйас молча пристроился рядом, отставая на полкорпуса. Хес не оборачивался, но слышал, как тот тихо шмыгает носом и прячет от него красные, опухшие от слез глаза.

До следующего утра, даже на привале, они не перемолвились ни единым словом. Мальчишка упрямо отводил взгляд, в котором то и дело проскакивали искорки злобы, и что-то бормотал себе под нос. Впрочем, Хесу было все равно. Юнец был слеп, он не замечал очевидного, вернее, просто не хотел этого видеть. Проклятые Инквизиторы хорошо умели замутить рассудок своим послушникам.

Охотник искоса наблюдал за ним. В какой-то момент ему стало даже немного жаль юного мальчишку, которым пожертвовали ради сомнительной цели, но он быстро отогнал эти мысли прочь. Избравшие такой путь, что разворачивался перед ним, видят слишком много боли, смертей и несчастий. Если пропускать через собственную душу каждое страдание, то в здравом уме ходить недолго останется. Он видел нескольких охотников, которые не смогли стать достаточно жестокими, чтобы продолжать жить в их мире. Один из них повесился у себя в комнате в Гильдии; другой бросился на защиту любопытной девчонки, решившей подглядеть за сражением с какой-то Тварью – его не смогли спасти даже товарищи по связке; третий до сих пор находился в приюте для блаженных.

Исэйас ворочался до поздней ночи, раздражая охотника. Когда Хес уже подумывал снова применить знак Быстрого Сна, мальчишка наконец-то затих и задышал ровно. Мужчина даже не стал ему говорить о том, что обычно, путешествуя рядом с Границей, да и не только, стоит выставлять караулы. В который раз поразившись наивности юнца, он поднялся, несколькими пассами поставил сигнальный контур и тихо лег обратно, спокойно закрывая глаза.

Дорога узкой змеей вилась через лес. Столетние стволы гигантских деревьев соседствовали рядом с совсем молодой порослью, радостно шелестевшей на чуть заметном ветерке. По сторонам дороги в густых зарослях изредка мелькали озорные глазки-бусинки небольших зверьков, бесстрашно выглядывающих из-за склонившихся веток.

Хес ехал молча, прикрыв глаза и всем своим существом ощущая окружающую его силу. Спокойную, неторопливую, чистую, сознающую свою мощь. Он мог себе позволить не следить за дорогой, полностью погрузившись в свои чувства: ветряный дух, принявший облик жеребца, бережно нес хозяина, ловко переступая через протянувшиеся по дороге корни деревьев.

Сзади раздался стук, испуганный вскрик и шум падения. Охотник, вынырнув из блаженной дремы, резко обернулся.

Мальчишка с самого утра пытался делать, видимо, путевые заметки на сшитом в некое подобие книги пергаменте. Пока они не въехали в лес, у него даже что-то путное и выходило. После того, как они углубились в чащу, Исэйас, не желающий прерывать свое занятие, стал

постоянной головной болью. Так как, увлекшись, он не следил за своим меринем, тот посчитал своим долгом спотыкаться о каждый камешек. Естественно, не ожидающий подобного мальчишка ронял листы, упускал чернильницу, заляпав кляксами не только свои записи, но и самого себя, а заодно и коварного гнедого, который, по мнению Хеса, спотыкался специально. Этот отрезок пути превратился в аттракцион из разряда «Подними меня». Юнец скакал то вверх, на коня, то вниз – за упавшими вещами.

Хесу это порядком надоело. И, когда в очередной раз Исэйас, виновато глянув на охотника, соскочил за упавшей книгой, он поинтересовался:

– А что, до привала это потерпеть не может? Мы двигаемся слишком медленно. Так и за луну не доберемся до места.

По лицу спутника стало понятно, что он и за год не хочет туда добираться, а желательно и за всю жизнь не видеть места назначения. Но паренек ответил:

– Забуду, пока едем, – голос был глух, но не зол.

– Такая плохая память, или мысли такие великие, что больше одной в голове не умещаются? – ехидно спросил Хес.

Мальчишка покраснел и поспешно спрятал письменные принадлежности в сумку.

– За что так магию ненавидишь? – спросил через некоторое время охотник.

– Потому что мерзкое колдовство есть происки Темного! – Исэйас вскинул голову, подозрительно косясь на спутника.

– Я не просил цитировать мне учебники и проповеди, – скривился Хес. – И говорил я не о колдовстве, а о магии. Разницу-то чувствуешь?

Судя по упертости во взгляде, мальчишка считал все это дело равнозначным.

Охотник вздохнул и начал объяснять:

– Наведение порчи, болезней, вызов низших духов – вот это колдовство. А вот то, чем обладают Высшие фейри и духи природы – магия. Ты же не будешь нападать на духа реки например?

– Как это? – изумился внимательно слушавший мальчишка. – Все они – слуги Темного! И всех надо уничтожать!

– Дурень, – беззлобно ругнулся Хес. – Дух – это средоточие силы определенного места. Уничтожишь духа реки – она в две седмицы пересохнет.

– Но ведь они на людей нападают, – озадаченно посмотрел на него Исэйас.

– В большинстве случаев человек сам виноват в ярости духов, – охотник пожал плечами. – Но всех Благих фейри можно задобрить, например, или попросить у них прощения: и твоя земля не только не оттолкнет тебя, но и родить станет в несколько раз больше, получив благословление духов.

– А как же Неблагие? – мальчишка даже рот открыл от увлеченности.

– Это Темные духи, враждебные человеку, – Хес внимательно посмотрел на парнишку. – Людей они ненавидят, но нападают в основном только тогда, когда кто-то вторгнется в их мир или оскорбит – тогда пощады точно не жди. С такими мне иногда приходилось сталкиваться.

– Ты сражался с Неблагими фейри? – его авторитет в глазах Исэйаса значительно вырос.

Хес молча кивнул, с содроганием вспомнив хлесткий луч света, разметавший слуга.

– А Твари? Они ведь повсюду на нашей земле, – мальчишка нахмурился.

– Они не имеют отношения ни к Благим фейри, ни к Неблагим, ни к духам природы уж тем более. Иногда бывает, что ими становятся люди, совершившие злодеяния и ставшие чудовищами, но это скорее исключение, чем правило; чаще – сгустки темной Силы, которые смогли приобрести форму, и уничтожить их можно только лишь сталью и серебром. Ваша «святая сила» на них не действует именно потому, что они не являются частью нашего мира.

Исэйас задумался, глядя вниз. Все, что ему сейчас говорил охотник, противоречило словам магистров и наставников, что рассказывали послушникам об устройстве мира, распреде-

лении сил и назначении каждого человека. С одной стороны, сказанное Хесом не несло в себе противоречивой информации, было слаженно и гладко, но просто так поверить словам человека, подозревающегося в колдовстве, Исэйас не мог. Хотя, как ни удивительно, ему очень хотелось. Потому что тогда этот мир представлял совсем в ином свете – в нем не было места обреченности, ведь в этом случае человек сам выбирал свою судьбу: быть ли врагом мироустройству, или же уметь держаться в потоке жизни, не принося в свой дом беду.

– Скажи, ты боишься духов? – лукаво посверкивая глазами, полюбопытствовал Хес.

– Нет! – мальчишка гордо вздернул голову.

– Тогда ты, я надеюсь, не против, что один из них у тебя на правом плече, – невозмутимо улыбнулся охотник.

Исэйас повернул голову, встретился с поблескивающими глазками лесного духа, завопил, разом растеряв все свои мысли о высоких материях, и кубарем скатился с мерина, напугав несчастное существо.

Оно, пискнув, мгновенно перескочило на круп вороного, пробежалось по ноге Хеса и замерло, вцепившись в густую гриву Силеста.

– А говорил, что не боишься, – со смешком заметил охотник, подставляя ладонь.

Дух с готовностью на нее перебрался, и мальчишка получил возможность получше разглядеть его. Тот был не больше двух дюймов ростом, с большой головой, на которой забавно торпорщились черные тоненькие волоски, и с маленьким тельцем, одетым в мох и, кажется, палую листву.

– Это гиллиду¹², – Хес протянул ладонь к вскарабкавшемуся в который раз за сегодня на мерина пареньку, и дух, помявшись, ловко перескочил на несмело подставленную ладонь Исэйаса. – Они дружелюбны, помогают детям и заплутавшим путникам вернуться домой.

Юнец, открыв рот, зачарованно смотрел на ерзающего в руке лесного духа. Тот что-то пропищал и, закрутившись, исчез, оставив на ладони мальчишки целую горсть красных ягод.

– Ты ему понравился, – хмыкнул охотник.

– А они не ядовитые? – подозрительно принялся к подарку Исэйас.

– Это брусника, дурья твоя башка, – Хеса откровенно забавляло поведение спутника.

Исэйас помолчал, глядя на ягоды и, отведя глаза, сыпал половину охотнику. Тот улыбнулся и не стал отказываться.

¹² Гиллиду – добродушные и робкие лесные духи.

Глава 3

Ванная после трех дней пути и ночевки под открытым небом – просто блаженство. Исэяас полчаса нежилась в огромной бочке, пока вода не остыла. С неохотой вылез, чувствуя, как с непривычки ломит суставы, и начал неторопливо переодеваться в чистую одежду.

Невыносимый охотник гнал вперед, да так, что, дай ему волю, без привалов бы вообще оставил. Исэяас недовольно нахмурился при воспоминании о Хесе. Он его, конечно, на дух не выносил, но мужчина оказался не таким уж и плохим, как рассказывал про него магистр Гайюс.

Парень раздраженно дернул завязки штанов. Слова охотника на том постоялом дворе больно ранили его. Он долго спорил сам с собой, но в глубине души уже зрела уверенность в правоте Хеса. И от этого становилось лишь только хуже.

Да, он никогда не держал меча в руках, в отличие от многих претендующих на звание Инквизиторов. Ему гораздо интереснее были сокрытые знания; общество книг он предпочитал ежедневным тренировкам во дворе Обители; он знал очень много, постоянно совершенствовался в искусстве донесения информации до последователей, но никогда не выделялся среди своих собратьев. Он всегда был в тени, изгоем, а главное – из-за чего! Из-за своего мирного нрава! Охотник не так уж и ошибался, говоря, что у Инквизиторов черная душа. Достаточно вспомнить, как послушники издевались над ним, а однажды избили так, что он не мог седмицу подняться на ноги. Не говоря уж о жестокости наставников – телесные наказания широко применялись для ослушавшихся приказов. Но рыжий мальчишка не привык жаловаться: все это он воспринимал как неизбежную часть становления своего характера и душевной крепости и стойкости, присущей истинным служителям Семерых. Отчасти из-за того, что он читал слишком много и не всегда верил на слово старшим братьям, подвергая сомнениям те или иные догматы, он и бывал бит. Вольнодумство никогда не поощрялось в рядах Ордена.

И Исэяас, потерявший надежду на то, что его признают готовым стать Инквизитором и позволят узнать сокровенные знания по применению святой силы, был невероятно счастлив, когда его Наставник пришел и сказал, что ему поручено ответственно задание – проследить за возможным и, конечно, очень опасным колдуном – одним из охотников. Паренек благодарил всех Семерых и кружился по келье, воображая, как удивленные его успехом Наставники радостно примут его в ряды избранных послушников, которым передаются тайные знания; а впоследствии он, конечно, станет одним из самых известных и грозных Инквизиторов, святой силой уничтожающий всякое проявление Тьмы.

Тем более была реальность, на которую открыл ему глаза Хес. Жестоким и насмешливым червем впиваясь в душу, она нашептывала Исэяасу, что он – ничтожный, никогда не сможет стать тем, кем он так мечтал быть... А сомнение в правильности выбранного пути уже потихоньку подтачивало юное доверчивое сердце – тот ли путь он избрал, на верную ли дорогу ступил? И не сошел ли он еще тогда, давным-давно, с укатанной тропы в топь, сейчас опасно проваливающуюся под ногами?

Он же видел тогда того духа. Гиллиду. И тот совершенно не выглядел агрессивным или опасным, наоборот. От него исходила какая-то странная, умиротворяющая сила. И эти ягоды, которые оказались очень вкусными... Прочно устоявшийся мир мальчишки трещал по всем швам.

Он спустился вниз. В трактире было малоллюдно, что слегка огорчило Исэяаса. Он любил наблюдать за людьми, особенно за путешественниками. Каждый из них выглядел по-своему, за плечами каждого была, несомненно, своя захватывающая история, которая проскальзывала в словах, жестах и привычках незнакомцев.

Исэяас покрутил головой, выискивая спутника. Ну конечно, как же может быть иначе? Самый дальний столик, в самом углу. Вот уж ведь нелюдимый тип. Тут же в памяти паренька

всплыли озорная улыбка и по-особенному светящиеся глаза охотника, когда он показывал ему лесного духа. Умеет ведь быть человеком... Зачем так сторониться всех? И агрессивен сверх всякой меры.

Рыжий даже невольно вздрогнул, вспомнив их первую встречу в «Приюте Охотника», когда Хес едва не прирезал его Наставника, магистра Гайюса. Он помнил, как испугался тогда и как недоумевал, почему же такой сильный Инквизитор, как магистр, ничего не противопоставил яростному напору охотника, а только лишь в ужасе глядел на него – может, все дело в том, что Хес говорил правду?

Помотав головой, чтобы разогнать мрачные и крамольные мысли, юноша направился к сидящему охотнику. Тот кивнул головой и придвинул к нему тарелку с едой, такой ароматной, что только сейчас послушник понял, насколько он проголодался.

Около четверти часа за столом царило молчание. Давно поевший Хес спокойно сидел, потягивая пиво и наблюдая за ужинающим мальчишкой.

Исэйас заметил, что взгляд охотника иногда словно обращается в никуда, а правой рукой он вращает знакомый пареньку перстень на левой. Тот самый, из-за которого и разгорелась драка с Инквизитором в том трактире.

Немного помолчав, помявшись, юноша несколько раз набирал воздуха и, наконец решившись, спросил:

– Он был твоим другом?

Хес поднял потяжелевший взгляд на рыжего. Тот втянул голову в плечи, кляня себя за любопытство и ожидая вспышки гнева, но охотник медленно и тихо ответил:

– Не просто другом. Он был частью меня...

...В тот момент он не видел ничего. Чертово тело отказывалось повиноваться, силы утекали, словно вода в песок. Голова кружилась, проклятье жгло душу не хуже огня; в глазах темнело.

Молодой парень около двадцати весен от роду стоял на коленях, тщетно пытаясь подняться. Иссиня-черные волосы, густой волной закрывающие лицо, были в пыли, по ним змеилась струйка первой седины, стремительно расчерчивающей темноту прядей; руки с изящными тонкими пальцами в судороге обхватили плечи...

...Он не видел ее – тварь, что неслышно подошла из-за спины, недоуменно присматриваясь к странному созданию. Потом учуяла человеческий запах: в хищных глазах вспыхнул огонек, она оскалилась...и нанесла страшный удар беззащитной жертве, повергая ее на землю.

...Он не помнил ничего, кроме ослепляющей боли. Боли, впервые испытанной им в полной мере. Истерзанное сознание в последний раз взорвалось искрами и померкло.

– Гляди-ка, и ведь очнулся парень, – послышался обрадованный голос.

Хес попытался открыть глаза, которые тут же немилосердно обожгло яркое полуденное солнце, светившее прямо в окно. Он пошевелился и вздрогнул от острой боли, пронзившей все тело.

– Ты лежи, не двигайся, – говоривший подошел ближе, и Хес сквозь выступившие слезы наконец смог разглядеть его.

Весен на десять старше, высокий, широкоплечий, с сильными загорелыми руками, исчерченными белыми нитками шрамов; серо-зеленые веселые глаза под густыми нахмуренными бровями; белесый шрам, протянувшийся по левой щеке.

– Что ж ты на Границе один, да еще и без оружия, делал-то? – голос был жестким, но в нем проскальзывала теплота. – Никак счеты с жизнью свести вздумал?

– Наоборот, – прохрипел юноша и не узнал собственный голос.

– Ну не суть, – улыбнулся спаситель. – Как звать-то?

– Хеспер Туата Де Дананн, – по привычке отозвался парень, потом, вспомнив, скривился: – Теперь просто Хеспер.

Мужчина прищурился, потом понимающе кивнул и тоже представился:

– Ролло¹³, я из Гильдии охотников.

– Смотри, какая задница! – воскликнул Ролло, опасно отклонившись на стуле и разглядывая округлости молоденькой разносчицы.

Когда девушка пробежала обратно, он не удержался и уцепился за нее, за что получил кокетливо-гневный взгляд и расплылся в улыбке.

Хес скушаяще наблюдал за разворачивающейся сценой. Друг, все еще широко улыбаясь, повернулся к нему:

– Как тебе, а?

Охотник помотал головой.

– Ты как всегда, – недовольно скривился Ролло. – Я тебя ни разу с девкой не видел.

Потом до него словно что-то дошло, и он в изумлении уставился на друга. Хес поймал его взгляд и расхохотался.

– Это не то, что ты подумал, – хихикая, сказал он. – Ты гуараггед аннон¹⁴ когда-нибудь встречал?

– Видел один раз издали, – мечтательно произнес Ролло, закатывая глаза. – Хотел поближе подойти, да спугнул. Ох и девки же!

– Не девки, а водные духи, – улыбнулся охотник.

– Так людей, особенно мужчин, не жалуют ведь, – друг огорченно вздохнул.

– Это смотря как попросить, – хитро сощурился Хес.

– погоди, так ты...? – изумился Ролло, хватая парня за грудки. – Неужели уговорил?!

Хес только хохотал, глядя на друга:

– Теперь ты понимаешь, почему меня мало интересуют человеческие красавицы?

Охотник рассказывал все это глухо, глядя перед собой. Исэяс молчал, в душе поднималось сочувствие к этому жестокому человеку, потерявшему по глупой прихоти судьбы, возможно, единственного близкого друга. Паренек не мог представить, что бы он делал в такой ситуации, зная, что те, кто не уберег дорогого ему человека, теперь пытаются добраться и до твоей души.

Однако что-то в его рассказе насторожило начитанного послушника.

Туата Де Дананн...

Мысль, вертевшаяся на границе сознания, стоило парнишке приглядеться повнимательнее, тут же юркнула в темноту, словно устыдившись самой себя.

...Он снова был там. Вдыхал воздух, пропитанный смертью и тленом, слышал крики гниющих заживо людей; спотыкался о распростертые в изломанных позах тела, падал и плакал, видя их тусклые глаза, из которых ушла жизнь.

А потом пришли они. И вокруг все вспыхнуло, пожираемое безжалостным пламенем. Живые или мертвые – ему было все равно.

¹³ Ролло – известный волк (пер. с латинского)

¹⁴ Гуараггед Аннон – прекрасные озерные девы; высокие, стройные, с роскошными золотистыми волосами до талии и чудесной молочно-белой кожей.

А проклятый колдун смеялся, глядя на деяния рук своих. В безумных глазах не было ничего, кроме пустоты.

Рыжий мальчишка захлебывался слезами, цепляясь за холодную руку погибшей матери; задыхаясь в черных клубях дыма, молился Семерым...

И темная фигура, облаченная в рясу, нашла чумазого подростка, заваленного обгорелыми досками.

И ему дали надежду на то, что он сможет изменить мир.

Говорят, колдун умер в страшных муках, ибо велик был гнев Всеблагих и слуг их, Инквизиторов...

Исэяс проснулся среди ночи, обливаясь потом и чувствуя, как в ужасе заходится сердце. Кошмары, не прекращавшиеся ни на день, на этот раз были настолько реальными, что он вновь почувствовал отвратительный запах горелой плоти, услышал стоны горящих заживо людей, заглянул в мертвые глаза своей матери.

Стараясь унять дрожь, парнишка сел, кутаясь в одеяло. Оставалось еще порядочно до рассвета, но роса уже потихоньку оседала на подстилках, пропитывая их влагой. В зябком воздухе дрожали стайки ночных мотыльков, привлеченные светом костра.

Он потянулся руками к теплу огня и наткнулся на невозмутимый взгляд стальных глаз. Хес не спал, а сидел, прислонившись к дереву и вдыхая ночной воздух. И сейчас внимательно смотрел на так внезапно проснувшегося спутника.

Исэяс заметил, что глаза у него странно поблескивают, словно расплавленное серебро плещется в обычно серых радужках. И только сейчас обратил внимание на необычную подвеску, выбившуюся из-под верхней рубашки.

Изумительно тонкой работы вещь. Небольшое круглое кольцо из странного, чуть мерцающего материала; в нем протянулись тончайшие, словно паутина, нити, на которых крохотными бисеринками крови застыли рубины. И сейчас чудное изделие мягко светилось, отражая яркий свет звезд.

Хес посмотрел на мальчишку. Тот был встрепан и испуган ночным кошмаром.

– Иди сюда, – вдруг позвал он, хлопая по земле рядом с собой.

Исэяс был настолько удивлен, что не посмел послушаться и сел рядом с охотником, поджав под себя ноги. Хес потянулся, подхватил свое еще сухое одеяло и кинул его рыжему. Тот, немного помедлив, закутался в него.

– Кошмары? – тихо спросил охотник.

Даже голос у него сейчас звучал как-то иначе: он стал более плавным и певучим, из него исчезли прежняя хрипотца и жесткие нотки.

Мальчишка только кивнул, пораженный такой разительной переменой.

– Это потому, что мы совсем рядом с Границей, – охотник поворошил ярко вспыхнувшие угли палкой. – Здесь все твои самые сокровенные страхи вновь поднимаются из глубин памяти.

И неожиданно притянул Исэйаса к себе, обнимая за плечи, и легонько ткнул пальцем в лоб с повелительным:

– Спи.

Глаза рыжего послушно закрылись, и он заснул, прижавшись к неподвижно сидящему мужчине, до самого рассвета и без кошмаров.

– А ты пересекал когда-нибудь Границу? – любопытствовал Исэяс.

На следующее утро мальчишка был чрезвычайно оживлен: беспрестанно крутился в седле, разглядывая окрестности, и приставал с расспросами к охотнику. Хеса его стрекотня

первое время порядком раздражала, но спустя некоторое время он понял, что даже получает удовольствие от разговора с невыносимо любопытным спутником.

– Приходилось, – уклончиво ответил мужчина.

– И как там? – глаза паренька загорелись. – Я читал, там прекрасная земля! Что там волшебный край, потому что фейри – прямые потомки Богини, и она одаривает их своим благословением!

– Не до того было, – охотник смотрел перед собой. – Станные ты книжки читал для послушника. Разве ты не должен был сказать, что чародейство противно светлым силам по своей сути? Тем более не забывай, что там обитают не только фейри Благого Двора, но и Неблагие тоже.

– А как же они уживаются? – покрасневший мальчишка, уличенный в чтении запретных в Обители книг, не смог сдержаться и прекратить расспрашивать.

– Да никак, – пожал плечами Хес. – То перемирие, то война.

– А с кем они воюют? – удивился послушник.

– То Благие с Неблагими, а как надоест – начинаются междоусобицы: князья делят власть.

– Это потому, что Благие – добрые духи! – Исэйас сжал кулаки. – А Неблагие – дети Темного!

Сам того не подозревая, он подтвердил догадки охотника о том, что отношение к чарам и всему тому, что орденцы называют происками тьмы, у мальчишки весьма неоднозначное – его душа еще могла верить в сказки и видеть многое из того, что уже давно недоступно клирикам.

– Ну конечно, – усмехнулся мужчина. – Ты рассуждаешь, как ребенок. К твоему сведению, основатели одного из кланов, относящихся к Вина Ши¹⁵, самого могущественного среди фейри, были одними из перворожденных, но при этом они – представители Неблагого Двора.

– Не может такого быть! – запальчиво воскликнул юноша, распахнув глаза.

– У фейри нет понятия добра и зла, Исэйас. Даже отношение к смертным у них разделяется по принципу «полезен – не полезен». Неблагие считают нас помехой своему существованию, а Благие – подспорьем. Вот и вся разница. Как тебе известно, «добрые духи» тоже могут озорничать, да еще так, что мало не покажется.

– Но детей же, например, не крадут, – не мог отказаться от своей позиции рыжий.

– Еще как, – охотник улыбнулся. – Все фейри живут по присловию: «Что твое, то мое, а что мое – никому не отдам».

– А как же рассказы о благородных чародеях? – мальчишка чуть не плакал.

Темный, да он же словно ребенок – верит в сказки! Неужели среди клириков еще существуют чистые, незапятнанные ненавистью души?

– Есть такие, – Хес покосился на послушника. – Тилвит Тер¹⁶, Золотые фейри. Но и у них есть свои пороки, так что однозначно добрых, в твоём понимании, среди волшебного народа нет.

– Врут все книжки! – Исэйас казался расстроенным. – И фейри тоже все время лгут, так ведь? Мне магистр Гайюс говорил, что их речам никогда нельзя верить.

– Нет, – услышав неожиданный ответ, паренек изумленно приоткрыл рот. – Фейри не лгут, они лукавят. Говорят всегда правду, но так, что не всякий сможет понять истинный смысл сказанного.

– Откуда ты так много про них знаешь? – послушник жадно посмотрел на спутника.

– Я же все-таки охотник, мне положено все знать о тех, с кем есть возможность столкнуться как с врагом, – хмыкнул Хес.

¹⁵ Вина Ши – главенствующие среди фейри, хранители Сокровенного Знания (первородной магии).

¹⁶ Тилвит Тер – златовласые фейри, благородные создания, всегда готовые помочь человеку, который им по нраву, и поступающие всегда предельно честно.

Исэяс притих, обдумывая услышанное. Благословенная тишина повисла в воздухе, прерываемая только мерным топотом подкованных копыт по дороге да тяжелыми вздохами рыжего паренька.

Послушник так задумался, что не сразу заметил, что охотник, вместо того, чтобы поехать прямо, как того требовал их маршрут, на развилке забрал влево, двигаясь по чуть менее широкой, чем основная, но такой же укатанной дороге.

– Подожди, – заволновался он. – Нам не туда!

– Я знаю, – охотник обернулся и укоризненно посмотрел на мальчишку. – Здесь деревня в часе пути. У нас заканчиваются припасы, а до города тут два дня.

Когда они въехали в деревню, миновали окраинные аккуратные домики, то заметили, что на улицах стояла поразительная тишина. Не лаяли собаки, не было видно ни работающих селян, ни ребятни, которая обычно бросается чуть ли не под ноги лошадям, ни стариков, греющихся на солнце.

У Хеса нехорошо кольнуло сердце. Что-то здесь явно не так. Он слегка сжал колени, и понятливый жеребец перешел на резвую рысь.

Жители деревни обнаружили на площади перед постоялым двором и домом старосты. Гомонящие, яростно выкрикивающие оскорбления и плюющиеся. На открытом месте стоял столб, к которому несколько дюжих парней сноровисто таскали хворост и дрова.

– Ведьму, что ли, жечь будут? – почему-то шепотом спросил Исэяс.

Страх холодком прополз под рубашку и распространился вдоль позвоночника. Хес промолчал, спешился и пошел прямо в толпу, жестко отталкивая стоящих на пути.

– Что тут происходит? – спросил охотник.

Замолкающие по мере его продвижения жители вновь забормотали.

– Ведьму судим, господин охотник! – подобострастно кланяясь, сообщил один из селян, скорее всего, староста.

– Ведьму, значит, – задумчиво повторил Хес.

Взгляд его скользнул по сидящей поодаль на коленях связанной девушке. Совсем молоденькая, хрупкая; каштановые волосы, раньше легкой волной лежащие на плечах, были спутаны в колтуны; простая, даже не подпоясанная рубашка разорвана. Мужчина прищурился, разглядывая синяки, багровевшие на руках и шее; разбитые в кровь губы; карие глаза, в которых застыла мука и странное выражения полного отсутствия понимания, что происходит. Только холодная и бездушная пустота. Казалось, жизнь просто ушла из этих глаз, оставив после себя только мутные стеклышки.

– Нечестивцев имеют право судить только Инквизиторы, – Исэяс протолкался к охотнику.

Увидел девушку, осекся и попятился.

– Пока они до нас доедут, она тут всех попортит! – запальчиво выкрикнул кто-то из толпы, и все сборище согласно загудело, словно рассерженный улей.

– И что же она сделала? – тихо спросил охотник, но в его голосе проскользнули угрожающие нотки, и люди примолкли.

– Хвала Всеблагим, ничего не успела, поганка, – осенив себя знаменем, воскликнула пожилая женщина. – Мякша, сынок старосты, в лесу увидел, как она знаки чародейские чертит, да слова бесовские шепчет. Схватил за волосы и на суд приволок!

– И где же обвинитель? – сузил глаза Хес.

Охотник в очередной раз убедился в мерзости человеческой природы, когда селяне вытолкнули вперед упирающегося парня. Роскошная золотистая грива непослушных волос, сильные руки, озорные зеленые глаза, по которым не одна девка в деревне сохла. И в которых сейчас застыл вызов пополам с ужасом.

– Ну-ка, покажи мне, что за знаки она чертила, – потребовал охотник, подходя ближе.

Парень что-то невнятно промямлил, замахал руками и внезапно попытался удрать.

Хес звериным прыжком преодолел расстояние до сына старосты и схватил за шею, останавливая.

– Первый парень на деревне наш герой? – прошипел охотник, и кинувшаяся на помощь земляку толпа отшатнулась и замерла, словно зачарованная злобой и яростью, звучавшей в хриплом голосе. – Отказала она тебе, мразь? Так решил девку силой взять? А чтоб не болтала да имя твое доброе не очернила, не придумал ничего лучше, кроме как в колдовстве обвинить? Кто ж ведьму поганую слушать будет!

Хес швырнул дюжего парня на землю, словно нашкодившего котенка. В толпе завизжала женщина.

– Что скажешь? – рявкнул охотник.

Белобрысый захрипел, валяясь в пыли, постыдно разревелся, как маленький ребенок, и согласно закивал, признавая свою вину.

– Вставай, – от голоса Хеса у Исэйаса дыбом поднялись волосы, и ему захотелось поспешно спрятаться.

Сын старосты, шатаясь, словно пьяный, поднялся на ноги. Никто не успел заметить ни как меч покинул ножны, ни как в них вернулся. Только на штанах насильника словно сам по себе раскрылся порез, и стремительно расплзлось бурое пятно.

Хес ударил ниже пояса, от кости до кости, отсекая ему мужское достоинство. Глаза у парня закатились, и он рухнул на дорогу, скребя скрюченными пальцами дорожную пыль.

Люди, на глазах у которых совершилась столь жестокая расправа, в ужасе бросились в стороны, и только староста бухнулся на колени рядом с сереющим сыном, неверяще причитая.

Хес развернулся, схватил за шкурку стоящего столбом Исэйаса и приказал:

– Развязывай, пока не опомнились, что они в большинстве.

Спасенная девушка тихо рыдала, выплескивая из себя всю боль и унижение, испытанные ею за последние несколько часов.

Девушку они забрали с собой. Когда перепуганный Исэйас, поминутно оглядываясь, распутал тугие узлы на посиневших руках, Хес молча подхватил ее, как мешок с костями, подождал, пока послушник сядет на мерина, и посадил перед ним, словно безвольную куклу. Впрочем, она была абсолютно безразлична к тому, что происходит.

Сам же охотник, безошибочно определив, который из домиков принадлежит спасенной, вошел туда. Спустя пару минут Хес появился с небольшой поясной холщовой сумкой, которую обычно использовали для сбора трав, и мешком, в который покидал первые попавшиеся вещи – для того, чтоб девушка могла снять с себя тряпье, на котором было больше дырок, чем ткани.

Проявлять первые признаки жизни девушка начала только к вечеру, незадолго до привала. Она, не поднимая головы, беззвучно зашевелилась, и Исэйас, смущенно поддерживающий ее всю дорогу, попытался спросить хотя бы ее имя, но спасенная упорно молчала.

Пока охотник разводил костер, а послушник расстилал походные одеяла, девушка, покачиваясь, нетвердым шагом направилась к небольшой речке, находившейся неподалеку, захватив с собой, однако, вещевой мешок. Исэйас рванулся было за ней.

– Никак топиться пошла?

– Успокойся, – остановил его Хес, косо поглядевший на скрывшуюся в зарослях кустарника фигурку.

– Зачем мы ее забрали? – полюбопытствовал Исэйас.

– Потому что, стоило нам уехать, ее в клочья бы разорвали безо всяких костров, – мрачно пояснил мужчина.

Юноша вздрогнул.

– Как ты узнал, что она не ведьма, и что все из-за того, что над ней... надругались? – сдавленно прошептал парнишка, опасаясь, что она услышит.

– Я видел уже такое, – ответил охотник.

Немного подумал, стоит ли продолжать, а потом договорил:

– Так обычно выглядели обвиненные в колдовстве девушки после ночи, проведенной в застенках пыточных Инквизиции. И ведьмами они не были. К тому же у нее были характерные ссадины на шее, да и взгляд такой никогда не спутаешь с чем-то иным.

У Исэйаса аж дух перехватило от возмущения:

– Да как ты смеешь! Наставники бы никогда... – он осекся, вспомнив, как однажды магистр Гайюс сказал ему, что практикующие колдовство – не люди, и законы людской морали к ним неприменимы.

Хес насмешливо поглядел на замолкшего мальчишку:

– А тебя не удивляло, что слишком часто обвиняемыми становились совсем молодые и весьма милovidные девчонки?

– Они могут принимать любой облик, – неуверенно начал оправдываться Исэйас, но на душе было паршиво – еще одна монетка упала на чашу весов охотника.

То, как поступил Хес, привело послушника в ужас, но в самой глубине души он понимал, что тот мерзавец заслужил того, что с ним сотворили. А значит – охотник сделал верный ход. И Исэйас ужаснулся свои же мыслям.

– По-моему, ты путаешь их с фейри, – мужчина примолк, когда к костру вышла переодевшаяся девушка.

С мокрых волос падали капельки влаги, пропитывая одежду. Она, иногда вздрагивая, попыталась руками разобрать спутанные волосы, и Исэйас видел, как Хес, ни слова не говоря, достал из своей сумки простой деревянный гребень и протянул девушке. И впервые за все это время на бледном лице появилось слабое подобие благодарной улыбки.

Среди ночи Исэйас проснулся от странных звуков. Открыл глаза и осторожно перевернулся набок. Девушка сидела на коленях Хеса, уткнувшись лицом ему в грудь, и тихо плакала. Хрупкие плечи содрогались от рыданий, тело била крупная дрожь; она что-то невнятно говорила. Охотник обнимал ревущую девчонку, гладил по легким волосам и тихо, успокаивающе что-то шептал.

И вновь Исэйас увидел те перемены, что и тогда, на том привале. Хес менялся настолько сильно, что, казалось, перед ним совсем иной человек. Не тот, кто набросился с мечом на Инквизитора; не тот, кто жестокими словами хлестал по растерянному мальчишке, сидящему в пыли; не тот, кто так страшно расправился с насильником... Не легендарный охотник, а простой человек, умеющий сопереживать и вообще способный на другие чувства, кроме злобы и ярости.

Через четверть часа девушка перестала плакать и, судя по всему, уснула, так и не отпустив рубашку Хеса. Охотник поднял глаза, и Исэйас снова замер, зачарованный серебром, переливающимся в светлых глазах. Охотник заметил, что мальчишка не спит, и поспешно, словно чем-то мог навредить, отвел взгляд мерцающих глаз.

Исэйас, немного поворочавшись и понимая, что какое-то иррациональное чувство просто требует снова и снова смотреть на неподвижного мужчину, сидящего у костра, вскоре уснул.

Через два дня они добрались до небольшого спокойного городка. Деа¹⁷, так звали девушку, не только не создавала трудностей в путешествии, но и всячески старалась помочь, хотя разговаривала пока еще совсем мало, и то в основном с Хесом. Голос у нее был тихий, но, по мнению Исэйаса, очень красивый.

Охотник не позволил Деа ехать с пареньком, на что тот втайне надеялся, смущенно признаваясь самому себе, что девушка ему весьма понравилась. Поэтому, когда Хес подсаживал ее на своего вороного жеребца, рыжий чувствовал легкий укол ревности.

Вот и сейчас Деа сидела перед мужчиной, поддерживаемая крепкими руками, и что-то тихо говорила, опустив глаза. Хес отвечал односложно, словно задумавшись. Провожаемые несколько удивленными взглядами горожан путники по знаку охотника остановились возле аккуратного домика, окруженного невысокой оградой.

– Антхеа¹⁸! – негромко позвал мужчина, постучав в калитку.

На пороге дома почти сразу появилась женщина. Высокая, с королевской осанкой; даже несмотря на возраст, она была красива той красотой, что выделяет гордых и уверенных в себе женщин. Седые волосы были аккуратно забраны назад; одна прядка, выбившаяся из прически, падала на высокий лоб. Она прищурилась, разглядывая пожаловавших в ней в гости, и темные глаза озаарились радостью.

– Хеспер! – воскликнула она, легко, словно молодая, сбегая по невысоким ступеням. – Проходите скорее!

Большие ворота, запертые на замок, отворились, пропуская уставших путешественников во двор, на котором обитала различная живность. Хозяйка махала руками, разгоняя кур. Расседлав и поставив лошадей в стойла, все прошли в дом.

Антхеа хлопотала по хозяйству, стараясь быстрее приготовить ужин для всей компании, без остановки выпрашивая Хеса о только им понятных делах. Было сразу ясно, что эти двое знакомы очень давно. После ужина засыпающую Деа отправили в гостевую комнату на втором этаже, а Исэйас примостился в уголке на кухне, сыто шурясь, как довольный кот, и прислушиваясь к негромкой беседе.

– У меня просьба, Антхеа, – охотник посмотрел на женщину. – Я могу оставить у тебя девочку?

– Хес, – удивилась Антхеа. – Что ж мне с ней делать? Да и вообще, откуда взял такую?

– В ведьмовстве обвинили. Да и попорченная она теперь.

Женщина тихонько ахнула.

– Думаю, поплатился за все тот, кто это сделал, – Антхеа взглянула на утвердительно кивнувшего охотника. – Оставлю, куда мне теперь деваться. Не позволять же ей с тобой ехать. Поди, опять на охоту?

– Куда ж еще, – невесело усмехнулся Хес. – Раз ни на что, кроме этого, не годен.

– Как всегда, слишком строг к себе, – Антхеа придвинула к нему кружку с горячим травяным отваром. – Обучу девочку знахарству, будет при деле.

Хес улыбнулся, благодарно кивая, и обхватил пальцами стакан. Исэйас обратил внимание, что руки у него изящные, пальцы длинные – не охотника, но музыканта.

– А что за юноша при тебе? – поинтересовалась знахарка.

Исэйас насторожился. Ему почему-то очень не хотелось, чтобы охотник рассказал про его принадлежность к Инквизиции.

– Необходимость, – поморщился Хес, и парень с удивлением ощутил, что подобное отношение мужчины к нему вызывает что-то похожее на тоску. – Дойти и вернуться, не дав ему умереть, иначе мне тяжело придется.

¹⁷ Деа – девушка-богиня (пер. с латинского)

¹⁸ Антхеа – цветок (пер. с латинского)

Антхеа понимающе качнула головой, убирая выбившуюся из прически прядку.

– Вы с Ролло навещайте меня, – она ласково накрыла ладонью руку Хеса. – А то совсем позабыли старую.

Хес вздрогнул, поднимая на нее глаза, в которых стремительно разгоралось отчаяние.

– Антхеа, – тихо проговорил он, опуская голову, и темные волосы, скользнув, закрыли его лицо. – Ролло...

И снял перстень, принадлежавший другу, с пальца, пододвигая его к остолбеневшей женщине. Знахарка помолчала, потом крепко сжала словно сведенные судорогой кисти охотника, ласково поглаживая его пальцы. Хес так и сидел, опустив голову, и не видел, как из глаз Антхеа, поблескивая в свете камина, по щекам пролегли две мокрых дорожки.

Деа не сказала ни слова, когда Хес сообщил ей, что она остается у знахарки, только покорно кивнула и стала помогать им собираться. Солнце еще только неспешно вползало на небосвод, озаряя просыпающийся городок, а охотник со своим спутником были уже готовы выезжать. Вороной жеребец нетерпеливо постукивал копытом, толкая головой под локоть хозяина, который выслушивал наставления Антхеа и чуть улыбался.

Исэйас, уже сидящий верхом, терпеливо дожидался Хеса, ощупывая лежащую в сумке книгу для заметок. Ему не терпелось занести все, что он видел и слышал за последние дни, в свои путевые записи. Легкое касание пальчиков по колену заставило его отвлечься от собственных мыслей и опустить взгляд.

Рядом с ним, потупив глаза, стояла Деа. Лицо ее было бледно, но на щеках играл румянец.

– Возвращайтесь, – негромко попросила она, пряча взгляд. – Я буду ждать.

Исэйас, не находящий слов от удивления, смог только кивнуть.

Хес шкодливо прищурился, глядя на парочку, и, проезжая мимо девушки, потрепал ее по голове:

– Удачи, Деа. Здесь начнется твоя новая жизнь.

На выезде из города путники наткнулись на конный разъезд. Капитан отряда, заведя их на пустой дороге, ведущей прочь от города, подъехал, взглянул на знак Гильдии и приветственно кивнул.

– Доброго утра, господин охотник, – он чуть приподнялся на стременах, разглядывая следующего за мужчиной Исэйаса.

– Какие-то проблемы, капитан? – осведомился Хес.

– Люди пропадают. Из города, из окрестных деревень, – коротко ответил капитан, окинув их цепким взглядом.

– Охотники проверяли? – насторожился мужчина, сверкнув серыми глазами.

– Да, – солдат утвердительно качнул головой. – Не так давно две связки тут были. Покрутились, ничего не нашли, поехали по окрестностям, в деревни и в городок Плини, что в двух днях пути отсюда.

– А результат? – Хес прищурился, обдумывая сказанное.

– Видимо, тоже ничего нет. Назад они не возвращались, поехали напрямую, скорее всего, – капитан пожал плечами. Скомандовав отряду двигаться дальше, напоследок крикнул: – Так что, господин охотник, разбойники, наверное, орудуют. Будьте осторожны!

После этого разговора Хес стал молчаливым и задумчивым, раздраженно отмахиваясь от горящего любопытством Исэйаса, которому очень хотелось побольше узнать как об охотниках, так и о существах, с которыми им приходится сталкиваться. Парень расстроился и погрузился в свои мысли.

Хес определенно не просто охотник. Что-то в нем есть... необычное. Но прямого доказательства, что он колдун, Исэйас еще не получил, поэтому утверждать это с полной уверенностью не мог. Да и после этих дней, проведенных в его компании, мальчишка стал смотреть на магию немного иначе. Он начал понимать, что зло, по своей сути, заключается не в возможности использовать подвластную немногим силу, а в самих человеческих сердцах – это он слышал, конечно, и от наставников, но они придавали несколько иное значение этому явлению. По их утверждению, колдуны и все волшебные создания – тьма по умолчанию, у них нет выбора стороны, которую они принимают. Но наличие одаренности не делает человека одержимым жадой крови колдуном. Для этого нужна душа, получающая удовольствие от совершения насилия над беззащитными жертвами. Вот о чем говорил Хес, когда сказал, что они хуже Тварей... Эти существа не могут поступать иначе, в то время как человек ставит перед собой выбор, как использовать данные ему возможности.

Все выходит складно, но как это объяснить магистру Гайюсу? Рыжий печально вздохнул и покачал головой. Впрочем, если Наставник действительно послал его, как разменную пешку, то, может, и не надо будет ни в чем отчитываться. Уже сейчас Исэйас чувствовал, что, будь у него выбор, он бы предпочел компанию ранее ненавистных охотников, чем вернулся обратно в Обитель.

За подобными размышлениями незаметно прошел день, и Хес скомандовал привал. Пока послушник таскал хворост для костра, охотник с чем-то долго возился у своего жеребца. Когда веселые языки пламени стали озорными зверьками мелькать по сухим дровам, а Исэйас, предвкушая отдых, присел рядом с расстеленными одеялами, Хес снял притороченный к седлу длинный сверток, в котором что-то глухо стукнуло.

– Вставай, – приказал он, протягивая послушнику... деревянный меч.

Парень изумленно вытаращил глаза, рассматривая предложенную вещь, а потом упрямо помотал головой:

– Ни за что! Инквизитору не нужна презренная сталь!

Не сказать, что он всерьез пытался прикрыться этим аргументом, но больше на ум ошарашенному послушнику ничего не пришло.

– То-то они постоянно с ней таскаются, – бросил тренировочный клинок рядом с пареньком Хес. – Что будешь делать, если Тварь встретишь, не умея даже кинжал в руках держать? Вопить и драпать, как последний селянин?

– У меня есть святое Слово! – юноша сам не верил в свои слова, но обучаться владению оружием очень не хотелось.

Хотя бы ради этого непередаваемого выражения на лице мужчины и стоило так упираться. Нашла коса на камень, встретились два упрямства. Но Исэйасу было невдомек, что, раз охотник старше, то и пользоваться своей упертостью он научился куда лучше послушника.

Паренек завопил больше от неожиданности, чем от боли, когда точно такой же клинок в руках Хеса с громким шлепком плашмя приложил юношу по бедру, заставив подскочить.

– Ты чего?! – открыл было он рот, но новый удар, на этот раз ребром по икрам, вынудил его охнуть от боли и неловко попытаться отскочить в сторону.

– Бери меч и защищайся, – Хес двинулся на послушника, сузив глаза.

Рыжий снова замотал головой, отступая назад, получил еще несколько тумаков: то по плечу, то вновь по многострадальным ягодицам, только-только начинающим привыкать к походной жизни в седле, и схватил деревяшку, неловко попытавшись защититься от хлестких ударов.

– О, я смотрю, ты практиковался на большой дороге, – насмешливо заметил охотник. – Чего ты в меч вцепился, как разбойник в дубину?

– Это и есть дубина, – мальчишка выставил перед собой клинок.

Хес опустил меч.

– Ноги шире, а то стоишь, как на балу. Правую вперед, – он кончиком своего меча легонько стукнул по голени, поправляя стойку. – Да расслабь ты запястья, что ты судорожно держишься, как утопающий за соломинку? Спину выпрями, она должна быть жесткой; руки на уровне груди, локоть не провисает... Давай-давай, корчит рожи он мне тут...

Хес издевался, по мнению послушника, над ним не менее двух часов, начиная с самых основ: положение корпуса, основная защитная стойка и правильный шаг. Но Исэйас устал так, как будто пробежал все то расстояние, которое они проехали сегодня, пешком за лошадьми. Измученный и взмыленный, он, поминая охотника всеми ласковыми словами, которые знал, удалился смыть с себя всю грязь в маленьком, весело звенящем ручейке.

Хес, проводив взглядом взъерошенного и недовольно бурчащего юношу, бросил в закипевшую в котелке воду горсть приятно пахнущих трав. У мальчишки определенно были способности: он инстинктивно чуял оружие и, что гораздо важнее, противника. У него могло бы все получиться, если бы он так не упрямился и не спорил с ним по малейшему поводу. Охотник нахмурился. Помнится, он как-то сказал Ролло, что скорее удавится, чем возьмет себе ученика, на что тот только посмеялся и заявил, что просто не нашел еще того, кого хотелось бы научить всему, что знаешь сам. Похоже, его друг оказался прав. Как и всегда.

Исэйас, замерзший, но переодевшийся в чистое, вернувшись на место стоянки, застал сурового охотника с какой-то растерянной, но светлой улыбкой на тонких губах.

Сначала ощутимо похолодало, а вскоре поднялся и ветер. Легкий туман, до этого невесомым пологом лежавший на земле, оказался безжалостно разорван в клочья налетевшими порывами холодного воздуха. Свинцово-серые угрюмые тучи, точкой видневшиеся на горизонте, за какую-то четверть часа угрожающе нависли над дорогой. В брюхе сиреневатого чудовища глухо грохотало, и по его клубящейся шкуре то и дело проскакивали ослепительные всполохи молний. Ветер усиливался, завывая, точно раненный зверь. Деревья по сторонам дороги испуганно затрепетали и пригнулись под натиском проносящихся вихрей.

Не спасали ни теплые жилеты, поддетые под льняные рубашки, ни теплые плащи, в которые закутались путешественники. Яростные порывы жесткого ветра хлестали, казалось, со всех сторон, срывая капюшоны с застигнутых непогодой странников.

Исэйас тайком вытирал слезящиеся от ударов ветра глаза и кутал озябшие руки в полы плаща. Его смирный, но довольно медлительный мерин не успевал за все прибавляющим ход вороным Хеса. Сам охотник, хоть и щурился, но не выглядел так, как послушник, напоминавший замерзшего и взъерошенного воробья.

– Давай, ходу! – обернулся мужчина. – Скоро ливень начнется, надо успеть!

И он указал на видные невдалеке острые крыши домов. Исэйас обрадовано улыбнулся и прищепил гнедого, понукая того подняться в тяжелый галоп.

В город лошади влетели на полном скаку, грохоча копытами по булыжной мостовой. Стражники на въезде не только не остановили летящих во весь опор незнакомцев, но даже и не выглянули из караулки, напуганные непогодой.

Редкие тяжелые капли начинающегося дождя пока еще неуверенно стучали по черепичным крышам, с каждым мгновением словно все больше набираясь смелости. Когда Хес и Исэйас заехали под покатую крышу ближайшего постоянного двора и спешили, передавая поводья мальчишке на подхвате, который, как ни странно, даже не дождался монетки за услугу, на улицы города сплошной серой стеной рухнул ливень. Грохотало все так же страшно, высвечивая ставшие зловещими во вспышках мертвенно-голубого света силуэты зданий, и охотник с послушником поторопились войти в тепло трактира.

Исэяс в изумлении завертел головой. Он привык к однообразным постоянным дворам: где-то чище, где-то грязнее, но, в общем и целом, все одно и то же. Этот же кардинально отличался от всех, прежде виденных пареньком.

Здесь все было идеально чисто. Начищенная посуда за стойкой блестела, отражая свет ярких масляных светильников, развешанных по стенам; на аккуратных побеленных стенах висели картины; дубовые столешницы стояли на вычурных резных массивных ножках; всход на второй этаж, в жилые комнаты, был из какого-то светлого дерева – перила тоже украшала резьба. Даже посетители вели себя совсем не так, как к тому привык послушник: все сидели, чинно и негромко разговаривая, не было слышно ни пьяных выкриков, ни скабрёзных шуток, ни тем более азартных игр и приставаний к миловидным разносчицам.

Рыжий юноша повернулся к охотнику, собираясь выразить свое восхищение, но так и не сказал ни слова, заметив брезгливое выражение на красивом лице спутника.

– Как в борделе, – поставил диагноз Хес.

И мальчишка, никогда, естественно, не бывавший в рассаднике греха, стал оглядываться с удвоенным любопытством, стараясь, впрочем, делать это незаметно для охотника.

– Весьма нелестный отзыв, – раздался низкий, бархатный голос, и Исэяс в который раз за последние несколько минут разинул рот.

К ним приближалась женщина. Не очень высокого роста, но пышногрудая, с огромными голубыми, умело подкрашенными глазами, пухлыми алыми губами и иссиня-черными волнистыми волосами, тяжелой волной ложившимися на плечи. Одета она была в длинное платье с огромным вырезом, не оставляющим простора для фантазии, но не дающим представителям мужского пола оторвать взгляда от открывавшегося вида.

– Точно бордель, – скривившись, словно от зубной боли, фыркнул охотник, щелкая юношу по нижней челюсти.

Тот с клацаньем захлопнул рот и обиженно посмотрел на Хеса.

– Я так понимаю, вам нужны комнаты? – поинтересовалась хозяйка, решив, видимо, игнорировать столь вопиющую бестактность.

Хес утвердительно качнул головой.

– Золотой за две комнаты и двадцать серебрушек сверху, если хотите ванную, – женщина очаровательно улыбнулась.

Исэяс недоуменно посмотрел на нее. То ли в других постоянных дворах драли двойную плату, то ли тут работали себе в убыток.

Охотник молча достал из кошелька монеты и протянул хозяйке.

– Ужин прикажете сейчас подавать или позже? – поинтересовалась та.

– Позже, – и Хес, схватив послушника за рукав, буквально поволок его в выделенные им комнаты.

На этот раз Исэяс управился гораздо быстрее своего спутника и, спустившись вниз, был вынужден достаточно долго ждать, сглатывая слюну и приносясь к ароматам, доносившимся из кухни. Когда Хес, наконец, соизволил явить всем свой светлый лик, мальчишка уже был ощутимо раздражен и зол.

Поглядев на перекошенное лицо паренька, охотник удивленно изогнул бровь, невозмутимо сел напротив, и к их столу незамедлительно принесли заказ, сделанный Исэясом еще полчаса назад.

Хес, наблюдая за сосредоточенно жующим мальчишкой, хмурился. Ему здесь не просто не нравилось: интуиция вопила во все горло об опасности, но глаза упорно отказывались замечать хоть что-то подозрительное. Это не давало охотнику покоя. Как только они въехали в город, он почувствовал, как инородная и враждебная сила касается разума, словно изучает. Измучившись состоянием неопределенности, мужчина наплевал на все предосторожности и

вытащил из-за ворота рубашки амулет, осторожно сжимая его в руке и прищуривая блеснувшие серебром глаза.

И все вокруг изменилось. Уже не было аккуратного трактира – было заброшенное здание со сгнившими бревнами в стенах; разломанными и наваленными в хаотичном порядке столами; провалившимися на втором этаже полами и склизким налетом на треснутых рамах. Люди – а Хес точно видел, что это люди – были похожи на трупы, но к каждому из них тянулись тонкие ниточки паутины, опутывающие их наподобие марионеток. Вот слегка натянулась почти прозрачная веревочка, и купец за соседним столом поднял голову и улыбнулся, что-то рассказывая таким же, как и он, товарищам.

Все окружающее было ничем иным, как искусно наведенной материальной иллюзией.

Хес вздрогнул, понимая, во что они умудрились вляпаться.

Исэяс удивленно взглянул на внезапно напрягшегося охотника:

– Ты чего? Что-то не так?

– Слушай меня внимательно, – голос Хеса буквально звенел от напряжения. – Сейчас поднимаешься к себе и сидишь там, никуда и ни с кем не выходя, пусть даже все

Семеро заявятся к тебе и пригласят в Небесные Чертоги.

– Хорошо, – послушно кивнул парень, нутром ощущая, что дела у них действительно неважные.

– Возьми, – охотник неожиданно скрутил с пальца свой перстень со знаком Гильдии и передал послушнику. – Не снимай его, пока я не скажу.

Парнишка кивнул, надел кольцо на палец и поднялся вверх, провожаемый пристальным взглядом охотника. Хес, убедившись, что упрямый мальчишка не слушается его, неторопливо встал, накинул плащ и вышел из трактира.

Дождь уже почти закончился, лишь редкие капли прозрачными хрусталиками скатывались по плотной ткани плаща, но небо было затянуто тучами, делая ночь еще непрогляднее. Охотник быстро шел по мощеным улочкам, следуя протянувшимся призрачным нитям. Иногда мимо него проходили смеющиеся парочки, в окнах был замечен колеблющийся свет, но Хес видел, что происходит под маской.

Город был мертв. Давно и безнадежно. Многие дома были полностью разрушены, скалясь в небо остатками стен; на булыжной мостовой зияли ямы; часть строений уже затянул мох и обвил дикий плющ. И гигантской паутиной сновидений опутывали останки былой жизни тонкие серебристые нити, тихо колеблющиеся на ветру.

Еще шаг – и перед охотником развернулась площадь городка Плини с храмом Семерых в центре. Стрельчатые башенки раскрошились, немим укором пронзая темное небо; статуи богов, потрескавшиеся и потемневшие, молча взирали на человека, посмевшего нарушить тишину, давно и прочно поселившуюся в этом месте. Хес моргнул и проследил за паутинками, рекой стекавшимися со всего города в зияющий проем дверей храма. Переступая через раскиданные на его пути камни, он медленно вошел в здание...

...и удивленно замер. То, что он увидел внутри, никак не вязалось с мрачным духом запустения и тлена, царившей на улицах Плини. Невесомыми кружевами мерцал под прозрачным светом выглянувшей луны полог изумительных узоров, созданных тонкими нитями. Весь храм, вплоть до треснувшего алтаря, оказался затянут в погребальное покрывало невиданной красоты. Капельки влаги слезами дрожали на серебристых линиях, легко скользили и вновь замирали, заставляя окружающее пространство переливаться хрустальным светом.

– Ты нашел меня, охотник... Я удивлена, – звоном горного ручья певуче протянул чарующий голосок.

Исэяс маялся от безделья и любопытства, сидя в своей комнате и разглядывая кольцо у себя на пальце. Камень был сапфиром, темным и будто чуть светящимся изнутри. На нем был изображен знак Хеса – звезда необычной, но что-то смутно напоминающей формы.

Послушник, перестав созерцать, по его мнению, безделушку, покопался в сумке и достал свои путевые заметки, собираясь с толком провести время. Однако мысль не шла, только коварные кляксы срывались с наточенного кончика пера. К тому же ему постоянно мешала паутина, которая непрестанно щекотала то лицо, то висок. Парнишка отмахивался, вытирал руками щеки и мотал головой, но проклятый паук, казалось, сидел прямо на макушке и, ехидно посмеиваясь, бросал ниточку за ниточкой. Это ужасно раздражало, и мальчишка, зарывчав, схватил книгу и перескочил на кровать. Паутинка, как ни странно, досаждать перестала, и рыжий с удовольствием погрузился в свои записи.

Не успел он начертать и пары строчек, как в дверь постучали. Исэяс вспомнил наставления Хеса, удостоверился, что о запрещении впускать кого-то к себе речи не шло и крикнул:

– Войдите! – а вдруг это хозяйка?

И память, равно как и сознание, уплыли в наступившей темноте.

Хес стоял и молча смотрел на неожиданную собеседницу. Сказать, что она была красива – ничего не сказать. В данном случае людские каноны и понятия о красоте перестают что-либо значить, потому что есть в этом мире нечто, не поддающееся никакому описанию.

Она была невероятно, нечеловечески прекрасна. Идеальное тело, мерцавшее матовой бархатной кожей под бликами капель влаги; точеное личико и изящная головка; огромные светлые, с золотыми искорками в глубине зрачков глаза; и водопад белых, словно только выпавший снег, волос, плащом окутавший стройный стан. Она была совершенно обнажена, но ничуть не стеснялась этого.

– Как ты сумел увидеть мою иллюзию, смертный? – она легко соскользнула с расколотого алтаря. – Расскажи мне, я жажду узнать.

– Ты неплохо потрудилась, – голос охотника звучал совершенно спокойно и равнодушно, чем весьма удивил красавицу.

– Ты смотришь на меня иначе... Не так, как обычные люди, – она очаровательно нахмурила тонкие бровки. – Такое ощущение, что ты привык... к подобному.

И она медленно, грациозно и невероятно сексуально провела рукой вдоль тела, бросая на неподвижного мужчину страстный взгляд из-под полуопущенных дрожащих ресниц.

– Что я, фейри никогда не видел? – сморщил нос Хес, наклоняя голову. – Ради чего ты уничтожила целый город?

– Уничтожила? – фейри легко повела пальчиками по дрогнувшей нити. – Я дала им идеальную жизнь. Посмотри, здесь нет места ни горечи, ни боли, ни кровавым расправам... Разве это не то, о чем они так мечтают?

– Смерть и запустение – вот твоё понятие о сокровенных желаниях, – Хес скривился. – Впрочем, как и у всех Неблагих.

– Ты странен, охотник, – она улыбнулась, обнажив ровные зубы. – Реакция смертных на все увиденное здесь всегда одинакова. Они не могут понять красоту. Их желания суживаются только до двух: обладать или уничтожить. И люди даже не понимают, что это основная причина нашей ненависти к ним. Кто ты?

– Тебе не нужно этого знать, – охотник чуть отступил назад от приближающейся к нему фейри.

– Может, ты очередная игрушка Благих? – ее прекрасное личико на миг исказила презрительная гримаска. – Они любят завлекать симпатичных смертных в свои сети. У меня есть для тебя компания. Пятеро твоих товарищей – охотников. Они приехали ловить тут Тварь, а встретили меня. И даже ничего не успели понять, глупцы... Но твой облик дрожит перед глазами... Это так похоже на мою иллюзию, не так ли, смертный? В любом случае, ты даже не представляешь, кого тебе довелось увидеть.

И фейри грациозно скользнула к охотнику.

– Io so chi tu sei, Tiilin¹⁹²⁰, – слова на языке фейри певуче сорвались с губ, и имя прозвучало именно так, как должно: невесомым звоном тонких нитей паутины под касанием ветра.

Неблагая широко распахнула прекрасные глаза.

– Ты говоришь на нашем языке, смертный? Невозможно! Как ты узнал мое имя?

– Я люблю удивлять, Паучиха, – оскалился Хес, и меч с тихим въедливым шелестом покинул ножны, хищно оскалившись вспыхнувшими рунами.

– Чародей? Похоже, это будет интересно, – фейри плавно шагнула, словно перетекла, в сторону. – Позволь мне пригласить зрителей?

Створки дверей храма хлопнули, и в круге света, очерченного высокими окнами, появился Исэйас. Глаза мальчишки были абсолютно пусты, движения рваные и неровные, словно он внезапно стал марионеткой.

– Проклятье, – тихо прошипел охотник.

– Он долго сопротивлялся, – Неблагая задумчиво накрутила локон на палец. – Отмахивался от моих нитей, как от назойливых мух. Я сначала не поняла, как ему это удастся, но теперь я вижу, что ты дал ему защиту. А душа у него такая... светлая, чистая... Наверное, безумно вкусная.

И фейри демонстративно облизнулась, проведя язычком по удлинившимся клыкам.

– Если добавить немного страха и обреченности, то получится и вовсе изумительно, – щелчок тонких пальцев, и глаза паренька приобретают осмысленное выражение, а руки и ноги вновь подчиняются ему.

– Хес! – Исэйас изумленно уставился сначала на охотника, потом – восхищенно – на девушку. – Кто это?

– Твой сон, – ласково шепнули чувственные губы, и к пареньку разом метнулись нити паутины, на лету превращаясь в страшное, заточенное оружие, легко прошивающее насквозь даже каменные валуны.

Исэйас даже не успел ничего понять; понять, как близко он был к смерти в тот момент. Сильный толчок сбил его с ног, заставив упасть на покрытый каменной крошкой мраморный пол, больно ударившись коленями. Услышав жалобный звон, он проморгался от попавшей в глаза пыли и поднял голову.

На том месте, где он только что стоял, безвольно обвис в тисках паутины Хес, прямо под сердцем которого, расцвечивая голубоватую в ночном сумраке рубашку, расплывалось багровое пятно. Его меч сиротливо поблескивал в нескольких шагах от него.

– Это так трогательно, – Паучиха покачала головкой. – Он – твой ученик? Ты так заботишься о нем, что не пожалел собственной жалкой жизни ради него? А я надеялась на славное развлечение... Какая скука.

Парнишку забила дрожь. Он, поскальзываясь, вскочил на ноги и бросился к безжизненному охотнику, но гибкая паутинка захлестнула его шею, оттягивая от Хеса.

– Какие же вы все-таки жалкие в своих чувствах, – Неблагая недовольно рубанула воздух рукой, изменяясь на глазах.

¹⁹ Я знаю, кто ты, Тийлинь (прим. автора)

²⁰ Тийлинь – с языка фейри – Паучиха (прим. автора)

Спустя мгновение перед глазами мальчишки предстало жуткое в своем уродстве существо. Костлявые длинные ноги, заканчивающиеся когтистыми лапами, и худые, жилистые руки со стальными когтями, висящие почти до колен; запавшие бока и торчащие ребра; страшная оскаленная морда с огромной, полной игольно-острых клыков пастью..

– Рано радуешься, – прохрипел Хес, сплевывая кровь, наполнившую рот.

Что-то негромко щелкнуло, и пояс охотника развернулся гибкой заточенной пружиной, которая, словно плеть, змеей прынула к застывшей фейри, легко разрубая серебристые стальные нити. Неблагая яростно закричала, бросаясь на охотника и отпуская задыхающегося послушника. Исэйас судорожно закашлялся, повалился на колени и поспешил отползти подальше.

Хес кувыркнулся, отпуская пояс-плеть, подхватил клинок и, взвиваясь с пола, отразил удар бритвенно-острых когтей, одновременно метая один из дисков. Фейри злобно взвизгнула, легко уворачиваясь от пронесшейся совсем рядом смерти, но на мгновение отвлеклась, и охотник, прыгнув вперед, наотмашь рубанул по открывшейся противнице. Паучиха, выпустив нити, сбила летящий к ее груди клинок, заставив Хеса извернуться и отскочить, чтобы избежать распоровшей, словно бумагу, пол паутины. Охотник, легко приземлившись, попытался было метнуть второй диск, но Неблагая зацепила его левую руку, захлестнула нитью и дернула назад, заставляя потерять равновесие. Хес, не удержавшись, опрокинулся назад, падая на спину, а фейри, ослабившись, нависла над ним, занося когтистую руку для последнего удара.

Исэйас видел, как где-то в темноте сводов что-то вспыхнуло, громко щелкнуло, и серебряная молния со свистом вспорола воздух, врубаясь в спину Паучихи. Фейри захрипела и выгнулась дугой; Хес пинком отшвырнул ее от себя и, не медля, одним движением снес ей голову. Обезглавленное тело, истекающее серебряной кровью, рухнуло к его ногам, словно истаявая туманом, который, поблескивая острыми гранями, как клинок, втянулся в так и не спрятанный амулет.

– Вставай, – резко и как-то странно сказал Хес, поднимая звякнувший о пол диск и возвращая его в ножны. Крестовина меча уже блестела за плечом.

Исэйас поднялся, с трудом держась на дрожащих ногах. Сердце до сих пор стучало, как сумасшедшее. Парнишка трясущимися руками попытался отряхнуть от пыли одежду и услышал тихий, глухой стон. Мгновенно повернувшись, он наткнулся взглядом на медленно оседающего на пол Хеса. Рубашка промокла от крови, изо рта тянулась тонкая струйка крови, которая тяжелыми каплями срывалась с подбородка.

Послушник бросился к охотнику, подныривая под его руку и пытаясь вздернуть на ноги. Хес оказался на удивление легким, что весьма удивило рыжего парнишку. С трудом выпрямив ноги, мужчина просипел:

– Пояс.

– Да и Темный с ним! – мальчишку трясло.

Хес упрямо помотал головой, и послушник, стараясь удержать клонящегося охотника, подобрал с пола блестящую плеть, мгновенно порезав об нее руки. Мужчина негнуцимися пальцами нажал на гравировку, и серебристая змея с шелестом свернулась в тугой клубок, спрятав режущие грани.

Когда они выбрались из храма, Исэйаса охватило отчаяние. Иллюзия, закрывающая мертвый город, исчезла, и глазам парнишки предстал лишь призрак, глядящий в вечность пустотой черных глазниц, некогда оживленного населенного пункта. Но больше всего его пугал натужно дышавший охотник, с каждым мгновением все больше опиравшийся на подставленное плечо. Кровь и не думала останавливаться, алыми кляксами отмечая пройденный путь. А ведь до развалин постоянного двора, где они оставили лошадей и вещи, было еще идти и идти.

Поэтому он не сразу поверил своим глазам, когда увидел большой темный силуэт, приближающийся к ним, и разглядел Силеста – жеребца Хеса. Вороной резко дернул головой,

разворачиваясь к послушнику правым боком. Мальчишка понял, чего от него хочет умное животное, но в одиночку закинуть взрослого, пусть и достаточно легкого, мужчину на спину крупного коня он не смог бы. Жеребец, словно поняв все это, подогнул передние ноги, становясь на колени, а потом и вовсе лег на землю. С трудом заставив почти бессознательного охотника сесть на лошадь, Исэйас дождался, пока бледные пальцы медленно согнутся, зажимая густую гриву Силеста, и отошел в сторону. Но конь продолжал лежать, странно поблескивая огромными золотыми глазами. Мальчишка несмело подошел и осторожно сел позади мужчины, придерживая его.

Вороной поднялся плавно, совсем не как обычные лошади, лишь слегка качнув седок, и совершенно бесшумно двинулся по улице. Исэйас пораженно смотрел на проносящиеся мимо в полной тишине останки зданий. Меньше, чем через пять минут Силест уже стоял возле развалин постоянного двора и нетерпеливо постукивал копытом, словно вынуждая мальчишку торопиться. Левое плечо коня странно и маслянисто поблескивало. Когда послушник понял, что это кровь Хеса, он слетел с коня и помчался за вещами.

Открыв повисшую на одной петле, растрескавшуюся дверь, Исэйас отшатнулся назад и его едва не вырвало. По всей зале валялись тела. Некоторые щерились белыми костями скелетов, некоторые распространяли жуткое зловоние гниющей плоти. Зажимая нос, мальчишка взлетел по входу, опасно балансируя на почти провалившихся ступенях, судорожно подхватил сумки и поспешил обратно, едва не свалившись с лестницы и подняв новую волну смрада.

Глоток свежего воздуха разогнал муть перед глазами. Он заскочил в конюшню, выгоняя из прогнившего стойла своего гнедого мерина. Яростное ржание заставило его вздрогнуть. Вороной крутился на месте, бил копытом и сверкал глазами, порываясь пуститься вскачь. Молясь про себя Семерым о том, что правильно понял дурного жеребца, паренек шлепнул гнедого по крупу, вынуждая направиться прочь из города, а сам снова вскочил на Силеста, прижимая бессознательного Хеса к шее коня и крепко вцепляясь в гриву.

И вороной сорвался с места. Штормовым порывом неся дух ветра, пригибая траву, но не касаясь земли, заставляя трепетать деревья. Все превратилось в одну сплошную темную полосу, и Исэйас зажмурил глаза, беззвучно шевеля губами в отчаянной молитве Всеблагим Богам за умирающего рядом с ним охотника, спасшего жизнь своему недругу ценой собственной.

Глава 4

Двухдневное расстояние они преодолели за три оборота²¹. Однако эти часы растянулись для Исэяса в целую вечность. Он чувствовал, как под руками все медленнее бьется сердце, все тяжелее и неохотнее струиться кровь по жилам умирающего охотника. И в растрепанной голове рыжего мальчишки отчаянно билась мысль: «Только бы успеть! Только бы успеть...»

Вороной бесшумно пролетел по спящим улицам города и с грохотом снес тяжелый замок на воротах. Во дворе захлебнулся лаем сторожевой пес, а в окне вспыхнул неяркий, колеблющийся свет.

– Антхеа! – отчаянно закричал мальчишка, соскальзывая с крупа коня, на крутых боках которого не было ни следа пота или пены, которая непременно сопровождает бешеную скачку.

Первой на крыльцо выскочила простоволосая, сонная Деа в ночной рубашке, держащая бронзовый подсвечник с оплывающей свечой. Испуганно вскрикнула, увидев Исэяса, который окровавленными руками пытался стащить обмякшего Хеса с жеребца, кое-как поставила светильник на темные доски и бросилась помогать.

Мгновение спустя появилась и знахарка, запахивающая верхнюю рубашку. Вскинула ладони к лицу, вздрагивая, но быстро взяла себя в руки, оттащила Деа, вцепившуюся в Хеса и приказала:

– Горячую воду неси!

Девушка непонимающими глазами посмотрела на Антхеа, потом взгляд прояснился, и она молча умчалась в кухню. Знахарка хлопнула жеребца по спине, и ветряной дух покорно лег на землю, позволяя стащить с себя охотника. Вдвоем с Исэясом они затащили мужчину в дом и положили на кровать.

Парнишка с отчаяньем смотрел на заострившиеся черты лица Хеса. Дыхание было хриплым, прерывистым и едва приподнимало грудную клетку. Антхеа схватила нож, безжалостно распорол рубашку, пропитанную липкой жидкостью, и ахнула:

– Кто ж его так?

– Фейри, – чуть не плача, сказал мальчишка, борясь с подступившим к сердцу ужасом от открывшегося зрелища.

На груди охотника зияла широкая рваная рана, из которой щерили клыки острых осколков сломанные ребра.

– И с каких это пор он не смог справиться? – недоуменно пробурчала знахарка, сноровисто обрабатывая рану.

– Меня... спасал, – горько прошептал Исэяс и внезапно разревелся, как маленький ребенок.

– Нечего тут слезы лить, – грубо откликнулась знахарка, но ее голос тут же смягчился. – Гордись, мальчишка, раньше так бы он поступил только ради Ролло.

Антхеа непрестанно сутилась вокруг лежащего мужчины. Исэяс с трудом понимал, что женщина делает. Он смотрел только на охотника и пытался понять, чем он, глупый, неуклюжий неумеха, да еще и послушник Святого Ордена, заслужил то, что для него совершил этот загадочный человек.

Взгляд мальчишки скользнул по свободно лежащему на груди Хеса амулету. Словно почувствовав внимание, тонкие нити внутри круга чуть дрогнули, и алые капельки начали неспешно скользить по паутинке, притягивая и завораживая. Паренек приоткрыл рот, изумленно рассматривая ожившую вещицу, потом почувствовал резкий толчок и, словно очнувшись, недоуменно посмотрел на рассерженную знахарку.

²¹ Оборот – час (прим. автора)

– Иди давай отсюда, – она вытолкала упирающегося Исэйаса из комнаты. – Умойся и попробуй уснуть. Больше ты здесь ничем не поможешь.

И захлопнула перед ним дверь. Послушник посторонился, пропуская Деа с горячей водой, и побрел вниз.

– Вообще рехнулся, паршивец, – выговаривала Антхеа бессознательному Хесу. – Мальчишку чуть не зачаровал, дурень!

Деа удивленно посмотрела на женщину и молча поставила тазик рядом с кроватью.

– Как он? – тихо спросила она.

– Плохо, – по лбу знахарки пролегла глубокая морщинка. – Боюсь, ночь не переживет.

Девушка опустила голову, стараясь скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

– Я могу чем-то помочь?

– Да, – Антхеа повернулась к ней, обмакивая лоскуты чистой ткани в горячую воду. – Иди, мальчишку успокой, а то как бы не сотворил чего.

Деа кивнула и, бросив долгий задумчивый взгляд на охотника, вышла, тихонько притворив за собой дверь.

Исэйас сидел на крыльце, бездумно уставившись в прозрачную темноту ночи. Раз за разом перед глазами мелькали обрывки воспоминаний о бое, произошедшем в мертвом городке. И раз за разом в сердце словно проворачивался нож, когда чувство вины волной поднималось из глубины души. Да в виски бился вопрос – а хоть кто-нибудь из Ордена поступил бы так ради него?

Теплая рука на плече заставила его отвлечься от горестных раздумий.

– Ложись спать, – Деа ласково провела по рыжим вихрам. – Антхеа сказала, что с ним все будет хорошо.

Исэйас судорожно выдохнул, чувствуя, как разжимаются стальные когти страха, железной хваткой сковавшие душу, и, улыбнувшись, направился в свою комнату. Девушка еще немного постояла на крыльце, закрыв глаза и подставив разгоряченное лицо легкому ветерку, глубоко вздохнула, успокаивая бешено бьющееся сердце и вернулась в дом.

Через два часа Антхеа закончила. Устало опустив плечи, она наказала девушке сидеть рядом с Хесом и ушла к себе, едва поднимая ноги. Деа тихонько поглаживала тонкие пальцы мужчины, иногда легко дотрагивалась до осунувшегося лица, проводя по прохладной щеке. Выждав для верности около часа и прислушиваясь к едва заметному прерывистому дыханию, девушка встала, вытянула из ножен охотника тонкий кинжал и провела им по основанию ладони. Зажав порез, она наклонилась и, откинув одеяло, начертала кровью на левом плече Хеса затейливый знак. Потом, немного помявшись, торопливо стянула рубашку, оставшись нагой, изобразила точно такой же знак у себя на правом плече и, сжав кулаки, скользнула под бок Хесу.

Мужчина очнулся ближе к рассвету. Голова кружилась, грудь болела, словно пронзенная стальным прутком. Он долго пытался разлепить веки, стараясь разглядеть окружающую обстановку мутными глазами, в которые было словно песка насыпано. Когда наконец ему удалось сфокусироваться, он понял, что находится у Антхеа, и против воли губы тронула слабая улыбка. Мальчишка не испугался, не бросил его там, выдюжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.